

ЭТНОЭТИКЕТ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Введение

■ Этнология Северного Кавказа и, соответственно, та ее часть, которая исследует народную культуру поведения при общении (этноэтикет), представляет собой как минимум два крупных раздела — горские народы и русское население. Материал по этим разделам может рассматриваться по отдельности, что и сделано в настоящем очерке. Русские Северного Кавказа — это самый крупный народ региона. Они не одну сотню лет проживают здесь и, конечно же, восприняли многое из местных обычаев (в особенности это касается казаков), но в целом сохранили общерусские черты культуры, так как на протяжении веков (главным образом в XIX–XX вв.) переселялись на новые земли из самых разных местностей Российского государства. Демографическую основу русского населения исторически составило крестьянство, поэтому культура общения именно этого слоя стала главным объектом рассмотрения в соответствующем разделе данной главы.

Казачество, как военное сословие и особая этнографическая группа русского народа, на территории Северного Кавказа формировалось, начиная с XVI в. (а, может быть и с более раннего времени) из разных этнических элементов, но основу его всегда составляли представители восточнославянских народов, главным образом русского. Этнической особенностью локальных групп северокавказского казачества — терские (гребенские), кубанские (черноморские) казаки, отдельные сообщества линейных казаков — было то, что в его составе изначально присутствовали компактные группы и отдельные представители неславянских и не православных народов. В отличие от запорожских и слободских (полки слободской Украины) казачьих сообществ, в которые принимались люди с обязательным условием принятия православия, в северокавказские казаки, так же как и в донские, волжские, уральские, оренбургские, сибирские, официально принимались лица мусульманского, буддийского и иных вероисповеданий. Так, на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв. выходцы из горских народов составляли отдельную станицу Гривенскую в Черноморском войске; в Кизляро-Гребенском полку станицы Александровскую и Шелковскую населяли грузины; в Горско-Моздокском полку служило много кабардинцев, черкесов, карачаевцев, балкарцев, осетин и др.; в Кизляре и Терском городке

еще в XVII–XVIII вв. архивные документы фиксируют немало служилых казаков «магометанского вероисповедания». Это обстоятельство приводило к тому, что бытовая культура северокавказского казачества представляла собой сложное сочетание славянских и горских элементов. Если же учесть, что многие русские казаки женились на представительницах горских народов, создавая многопоколенные родственные узы с ними, вступали в куначеские и деловые контакты с горцами, то не удивительно, что казацкая культура общения стала органической частью общекавказской культуры. Эта ее особенность, наряду с вековой сословной обособленностью казачества от остальных групп русского народа, нередко приводила к существенным затруднениям в общении с ними. Об этом с этнографической точностью писал в своих «Казаках» Л. Н. Толстой: «Казак, по влечению, менее ненавидит джигита-горца, который убил его брата, чем солдата, который стоит у него, чтобы защищать его станицу... Он уважает врага-горца, но презирает чужого для него и угнетателя солдата. Собственно русский мужик для казака есть какое-то чуждое, дикое и презренное существо, которого образчик он видал в заходящих торгашах и переселенцах малороссиянах... Щегольство в одежде состоит в подражании черкесу... Молодец казак щеголяет знанием татарского языка и, разгулявшись, даже со своим братом говорит по-татарски». Вышесказанное делает необходимым при описании этноэтикета русского населения региона фиксировать специфические особенности казацкой культуры общения.

Культура горских народов Северного Кавказа по многим параметрам представляют определенное единство, выделить в ней специфические «этно-национальные» черты порой бывает весьма трудно. Поэтому в настоящем разделе понятие «этноэтикет» нами трактуется как правила общения и поведения, характерные для общенародной культуры горцев Северного Кавказа. «Общенародность» этих правил не отрицает наличия региональных, национальных и сословных особенностей, которые мы стремимся, по мере возможности, отразить.

Вопрос о сословной специфике северокавказского этноэтикета не прост. Многие горские народы региона издавна отличались сложным строением культуры. Формирование задолго до вхождения в состав Российского государства во многих из них элиты в виде аристократии породило раздвоение культуры на два слоя, верхний и нижний, которые у некоторых народов значительно обособились. Так, у адыгских народов сложился сложный комплекс мировоззренческих, этических и этикетных принципов «Адыге хабзэ», который являлся органическим элементом метаэтнической общности адыгских народов и даже признавался у их соседей на Северном Кавказе, т. е. был феноменом общенародным. Но в его рамках существовал и особый кодекс «Уорк хабзэ», адресованный дворянству и князьям. В этом кодексе были и особые положения, специально утверждавшие привилегии знати, но большая часть их представляли собой усиление или дополнительную детализацию общенародных этических и этикетных норм.

Элита раннеклассовых обществ, с вхождением в Российское государство, в разной степени была приобщена к общероссийской элите и ее культуре. В тех обществах, где политическое влияние аристократии было значительным (Кабарда, Дагестан), ее представители были инкорпорированы в российское дворянство со всеми вытекающими отсюда привилегиями и культурными предписаниями. Их культурное бытие, включая сюда и этикет, дополнилось элементами еще одного уровня — российско-дворянского.

Подлинным творцом культуры, в том числе и культуры общения и поведения, на Северном Кавказе был народ. Культура эта, при всем многообразии ее локальных, этнических, региональных вариантов имеет ряд типологически общих черт: отсутствие письменной фиксации — механизм воспроизводства основан на обычае; творцом этикетных норм является народ (подобно тому, как создаются памятники устного народного творчества), авторские нововведения воспринимаются как непристойность; бессознательный характер бытования — нормы этикета не подвергаются рациональной рефлексии, их обоснование покоится на авторитете старших, а народные их этимологии имеют вторичный фольклорный характер; нормы этикета в зоне своего действия обязательны (желательны) для всех, независимо от материального достатка и социального ранга.

В настоящее время, отмеченное серьезными, в том числе и межэтническими, конфликтами на Северном Кавказе, знание норм традиционной культуры общения северокавказских народов является особенно актуальным, так как этикет, как средство общения, по природе своей ориентирован на всех, с кем приходится общаться, независимо от этнической принадлежности партнеров. Именно поэтому он всегда международен и в силу этого несет в себе установки на компромисс и толерантность по отношению к «другим». Поэтому системы этикетных норм имеют тенденцию к максимально возможному «расплыванию» в пространстве исторически сложившихся зон общения.

В настоящем разделе речь пойдет преимущественно о традиционных нормах этикетного поведения народов Северного Кавказа, нормах, которые в наиболее полном виде существовали до эпохи индустриализации и были зафиксированы наблюдателями в XIX — первой четверти XX вв. Социально-экономические процессы советской эпохи привели к исчезновению многих обычаев из общественной практики, но в народной памяти они в большинстве своем сохраняются. В период перестройки на волне «этнического ривайвализма» и движений за «возрождение» этнических культур возникла тенденция к соблюдению многих утраченных обычаев. В этих процессах не последнее место занимает стремление соблюдать нормы традиционного этикета. Во многом это стремление иницируется и поддерживается представителями национальной интеллигенции народов региона. Оно отчасти носит характер романтического утопизма, но, тем не менее, привело к действительному возрождению некоторых обычаев. Отношение к восстановленным древним ценностям традиционной культуры общения и поведения со стороны народа нередко окрашено некоторой

иронией. Можно услышать, что в старину бывал настоящий этикет, а теперь — лишь жалкое его подобие. Отчасти это верно, но необходимо учитывать, что подобные высказывания путешественниками и исследователями фиксировались и в XVIII, и в XIX, и в начале XX вв. Этноэтикет, как органическая часть традиционной культуры, никогда не остается неизменным, он изменяется и под воздействием исторических событий и процессов. Но в историческом изменении традиционной культуры всегда сохраняются некие неизменные элементы и структуры. В культурном сознании народа всегда присутствует некоторая раздвоенность: «идеал древности» — «злоба дня». В отношении этноэтикета эта раздвоенность на Северном Кавказе имеет созидательный характер, так как идеальные (древние) нормы достойного поведения несут в себе изрядный потенциал поддержания общественного равновесия, справедливости, толерантности, радушия, взаимности и т. п. Пускай идеальные нормы чаще не исполняются, чем исполняются, само знание их и эпизодическое воплощение в поступках некоторых людей выступает существенным положительным фактором современной культуры народов Северного Кавказа.

Этноэтикет горских народов Северного Кавказа

▪ Этническая культура горских народов Северного Кавказа отличается особым развитием этикетных норм поведения. В этом регионе в течение веков сложилась единая система этикета, которая имеет порой существенные локальные особенности даже в пределах одной этнической общности, но все же обладает рядом общих черт. Можно говорить об особой северокавказской культуре поведения. В этой культуре есть общепризнанные лидеры, законодатели «хорошего тона», к которым относятся адыгские народы (кабардинцы, черкесы, абазинцы, адыгейцы), в особенности кабардинцы.

Один из знатоков Кавказа писал в XIX веке, что «Кабарда искони считалась на всем Северном Кавказе образцом, достойным подражания. Кабардинцы были в некотором роде кавказскими французами, как за Кавказом персияне; отсюда распространялась мода на платье, на вооружение, на седловку, на манеру джигитовки; тамошние обычаи, родившиеся при условии существования высшей и низшей аристократии (князей и узденей) и холопов (рабов), прельщали и в других обществах людей, занимавших видное положение между своими...».

Адыгский этикетный кодекс «*адыгэ хабзэ*» не имеет себе равных по сложности, степени разработанности и роли в общественной жизни. Но и у других народов Северного Кавказа сложились подобные кодексы, какими являются «*намыс*» у балкарцев и карачаевцев, «*ирон агдаутта*» у осетин, «*гилакх*» у чеченцев и др.

Не следует думать, что адыгский этикет просто механически, как мода, усваивался народами Северного Кавказа. Скорее, он выступает наиболее разработанной и усложненной формой неких общекавказских принципов,

их «куртуазной» обработкой для нужд многочисленных княжеских и дворянских дворов. Народы, у которых исторически сложились «вольные общества», лишённые аристократической власти, обладают хоть и не таким формализованным и сложным, но не менее тонким этикетом.

Так, чеченцы, практически никогда не знавшие централизованной аристократической власти, обладают своеобразной народной философией этикета. Такие категории их мировоззрения как «куц» (совершенно идеальное, должное в облике, поведении, поступках), «яхь» (моральный кодекс соревнующихся в благородстве), «бехк» (категория выражающая отвращение к нарушениям норм достойного поведения, уважения к старшим), «сабар» (этикетное предписание сдержанности, терпимости) и пр. в жизни каждого чеченца играют важную роль. Это относится ко всем без исключения народам Северного Кавказа.

Об особой роли этикетных норм свидетельствует то, что у некоторых народов региона они воспринимаются как равнозначные юридическим нормам. У кумыков, в частности, правила этикета включаются в сборники адата, служившие еще в начале XX в. основанием для разбора уголовных дел в судебных инстанциях низового уровня — т. н. «народных судах». Сборник Маная Алибека «Адаты кумыков», опубликованный в 1927 г., наряду с разделами, посвященными убийствам, изнасилованиям, воровству и т. п., содержит и такие разделы, как «Адаты по оказанию уважения и почта друг другу», «Адаты, когда прибыл гость», «Отношения жен к мужьям» и т. п., которые, по сути дела, представляют собой этикетные правила поведения и общения. Даже в сугубо уголовных ситуациях правила этикета порой выступают средствами их разрешения, либо наказания виновных. К примеру, в разделе «Адаты при убийствах» есть такое положение: « В случаях, когда родственник убитого убивал родственника убийцы, давшего *алым* (материальное возмещение, выплачиваемое родственникам убитого — авт.), такой убийца являлся кровником — «*канлыем*» князя в течение одного года со дня убийства. Если только его князь не убивал, то он не мог видеть князя и сказать ему: «доброе утро» и «добрый вечер» (обычные слова, произносимые при поклоне князю). Такого *канлы* — кровника князя — никто не принимал и не давал ему приюта у себя. По этой причине никто не осмеливался быть *канлы* князя». Таким образом, нарушитель закона наказывался лишением права на исполнение обычного этикетного предписания.

Общие принципы этикета

▪ Знакомясь с народным этикетом, необходимо учитывать, что любая жизненная ситуация — это общение людей, обладающих различными статусами, соответственно которым нормы этикета и предписывают им вести себя. Все многообразие социальных рангов в этикетной ситуации, так или иначе, сводится к простейшим бинарным моделям, имеющим общую чер-

ту, которую можно образно представить формулой «доминирование — подчинение». Вот ее модификации, существенные для Северного Кавказа:

Доминирование — Подчинение

Лучше — Хуже

Верх — Низ

Перед — Зад

Правое — Левое

Центр — Периферия

Мужчина — Женщина

Старше — Младше

Знатный — Простой

Чужие — Свои

Гость — Хозяин

Гость дальний — Гость ближний

Свойственник — Родственник

Родственник по матери — Родственник по отцу

При всей условности этой схемы, она выражает некие общие принципы этикетного поведения. Так, при встрече двух мужчин первым приветствует младший по возрасту или общественному положению. Прощаясь, младший несколько шагов делает пятясь, так как неуважительным считается поворачиваться спиной к старшему (оппозиция «перед—зад»). Предлагать что-либо следует только правой рукой, так же как и принимать. При любом собрании людей центр занимаемой площади — это место старших, периферия — младших («центр—периферия»). В жилых домах часто делают два входа, передний вход с фасада — для мужчин, задний — для женщин («мужчина—женщина», «перед—зад»). Если супруги идут по улице, то муж всегда впереди на 1–2 шага («мужчина—женщина», «перед—зад»). Если рядом идут 2 мужчины, то почетная правая сторона всегда уступается старшему («правое—левое»). При встрече путников этикетное предпочтение оказывается тому, кто идет сверху, т. е. спускается с гор («верх—низ»).

В обрядах гостеприимства гость обладает этикетными привилегиями перед хозяином независимо от возраста и ранга («гость—хозяин»). При рассаживании гостей на торжественном пиру гостям, прибывшим издалека, оказывается предпочтение перед теми, кто живет по соседству («дальний—ближний»). В повседневной жизни и в торжественных случаях свойственникам (родственникам супруга) оказывается этикетное предпочтение перед родственниками, а родственникам по материнской линии — перед родственниками по отцовской.

Предложенная нами схема имеет свою специфику в различных местностях Северного Кавказа. Так, этикетные нормы аристократических обществ Западного Кавказа (кабардинцы, бесленевцы, темиргоевцы, бжедуги) в прошлом особое значение придавали знатности. «Крестьянам, даже седебородым старцам, обычно запрещалось садиться за стол с дворянами и тем более с князьями». В «демократических» обществах гораздо важнее

был возраст, чем знатность. В Советское время знатность в этикетном смысле стала заменяться должностным статусом человека.

Оппозиция «мужчина—женщина» нашей схемы в ряде случаев по своему смыслу прямо противоположна оппозиции «лучшее—худшее», так как кавказский и, в особенности адыгский, этикет часто ставит женщину в предпочтительное положение. При приветствии группы людей первыми приветствуют женщин: у кабардинцев сидящие мужчины, даже если они седобородые старики, всегда встают при появлении женщины, будь она совсем юной девушкой; всадник, повстречавшись с женщиной, обязан спешиться; провожая женщину (если это не его жена) мужчина должен уступить ей почетную правую сторону. Здесь нам видится своеобразная ритуально-этикетная компенсация в целом неравноправного положения женщин и в чем-то даже подчеркивание этого неравноправия.

Общие принципы поведения при контакте людей на Северном Кавказе порой поражают своей изощренностью. Контакт при встрече (в статике) начинается с приветствия, которое почти у всех народов состоит из приветственного жеста правой рукой, поднятой к головному убору (шапку ни в коем случае не снимают — это символ мужского достоинства, ее снятие означает демонстрацию самоуничижения), мужчины обнимаются, пожимают друг другу правую руку, обязательны благопожелания — либо обще-мусульманская формула (у мусульман), либо приличествующая ситуации, возрасту и рангу фраза из богатого фонда кавказского красноречия.

У чеченцев, к примеру, «наиболее общим приветственным обращением людей друг другу является словосочетание *«Марша вагийла!»*, которое дословно переводится «Приходи свободным!».

Рукопожатие у северокавказских народов обычно связывают с арабским влиянием, которое посредством ислама распространилась в регионе, однако, обоснованной представляется и та точка зрения, что рукопожатие имеет здесь древние традиции. В частности, так полагает З. Х.-А. Берсанова в отношении чеченцев: «В рукопожатие вкладывается глубокий смысл, так как с древних времен этот жест означал примирение между двумя врагами, между враждующими сторонами, а также враждующими тэйпами. Обряд примирения кровников также завершался рукопожатием. После этого кровники не имели права поднимать друг на друга руку. Существует даже специальное выражение *«куьйге вахар»*, т. е. дословно — «сошлись руками». Это выражение применяется к кровникам, которые прекратили вражду... поэтому рукопожатием не обмениваются два человека, между которыми потенциально не может быть вражды и мести. Например, руку не подают женщине (так как с женщиной не может быть вражды, а, следовательно, и примирения не нужно). Не подают руки подростку, не достигшему возраста, когда можно носить оружие (примерно с 15 лет)... Не здороваются за руку с близкими родственниками (дядей, двоюродным братом и т. д.), так как с ними исключена какая-либо вражда, а, следовательно, и примирения не требуется.... Считается каким-то большим оскорблением не принять протянутую

для рукопожатия руку. Это приводит к серьезным последствиям, вплоть до выяснения отношений между двумя тэйпами. Связано это с тем, что у чеченцев не принято здороваться за руку с теми, кто совершил антиобщественный проступок, или нечист на руку, берет взятки и т. п. В старинных чеченских песнях нарт богатырь через семь гор преследует того, кто не ответил на его рукопожатие, чтобы выяснить, в чем он провинился, что не заслужил рукопожатия».

Объятия между мужчинами и женщинами на людях категорически исключаются, нежелательны даже случайные прикосновения, кем бы эти женщины ни доводились мужчинам. Надо сказать, что приветственное объятие мужчин — это исключение из общего правила культуры северокавказского поведения — любое прикосновение к собеседнику может быть воспринято в лучшем случае как неучтивость, в худшем — как оскорбление. Не случайно до сих пор в некоторых местностях даже при случайном прикосновении в общественном транспорте, на улице принято извиняться и произносить благопожелание вроде адыгского «Да коснется моя рука тебя добром».

Поведенческая культура предусматривает определенный минимум расстояния между беседующими. Младшие по отношению к старшим должны выдерживать дистанцию в 100–120 см, для этого младший, подойдя для рукопожатия, тут же должен сделать 1–2 шага назад. Между разговаривающими мужчиной и женщиной «приличная» дистанция увеличивается до 1,5–2 м, между женщинами сокращается до 70 см. Если встреча состоялась на лестнице, то младший или мужчина по отношению к женщине должен стоять на 1–2 ступени ниже.

Контакт в динамике (встречи или совместное следование в пути) регламентируется еще более сложными нормами этикета. Как уже говорилось, из двоих, идущих вместе мужчин, младший должен идти слева, уступая старшему почетную правую сторону, но ситуация резко меняется, если к ним присоединяется еще более молодой спутник — он занимает позицию справа. Если же идут вместе еще больше мужчин, то идеальная этикетная модель будет выглядеть следующим образом; (наибольший возраст — 1, возраст остальных в обратной пропорции) для четверых: 3 — 2 — 1 — 4, для пяти: 3 — 2 — 1 — 4 — 5 и т. д. При большом стечении народа (в прошлом — военные операции, сейчас — обрядовые шествия) впереди и в центре — всегда самый знатный или старший. Демонстрацией «благородного смирения» считается манера ходить по улицам селения слева, оставляя возможность встречным оказаться на почетной стороне.

Отходя от старшего или женщины, мужчина должен повернуть налево, оставляя собеседникам почетную правую сторону. Если мужчина следует на встречу женщине, то он должен оставить ее по правую сторону, а встречного мужчину — по левую. Это отражено в кабардинской пословице «Женщину оставляют со стороны плети (она всегда в правой руке), мужчину со стороны оружия». В этих, казалось бы, однозначных предписаниях этикета есть немало исключений и вариаций. Так, повстречавшись с женщиной за пределами селения, мужчина должен учесть не только «стандартный» почтительный

вариант, но и то, где находится селение, с тем, чтобы женщина оказалась между ним и селением (почтительность по формуле «ближе к центру»).

Если мужчина догоняет идущего впереди путника, он в любом случае должен проходить слева от него, обязательно поприветствовать и, если тот, к кому он присоединился, младше его, то это уже дело последнего занять верную, с точки зрения учтивости, позицию. Если же впереди идут двое и больше человек, то нагнавший обходит их справа и в этом случае часто бывает учтивая перестройка с демонстрацией «благородной скромности».

Правила хорошего тона требуют, чтобы, увидев идущих сзади, человек остановился и подождал их, а если входящий в свой дом человек увидит идущего по улице, он обязан подождать его и совершить обряд приветствия. Едущий верхом мужчина при виде идущих пешком по этикету должен спешиться, у чеченцев обычно спешивались всадники, подъезжающие к селению родственников жены, а у адыгов — подъезжающие к усадьбе князя или дворянина. В настоящее время так же поступают особенно учтивы мужчины, едущие на автомобиле, впрочем, есть более облегченный вариант — они при виде старшего или женщины слегка приподнимаются на сидении, не останавливаясь.

В старину если мужчине-путнику адыгу повстречается женщина, делающая тяжелую работу (рубят дрова, несет тяжести и т. п.) считалось проявлением рыцарского духа («уорк хабзэ») настойчиво, но вежливо сделать эту работу за нее и следовать дальше, а также поддерживать (морально, конечно же) женщину, если ей грозит хоть совсем пустяковая опасность — переход через ручей, подъем по лестнице и т. п. Достойным мужчины поступком считалось также проводить до дома встречную женщину. То же самое должен был сделать путник при встрече со старшим по возрасту или рангу мужчиной. У кабардинцев много преданий о том, как юноши в таких ситуациях бросали все свои дела и сопровождали случайных встречных помногу дней, рискуя при этом жизнью.

Внешний вид людей (одежда, прическа, украшения и оружие) играет важную роль в традиционной культуре общения и поведения народов Северного Кавказа. Традиционный мужской костюм по всему региону практически одинаков. Он включает в себя такие общие элементы, как бешмет, надеваемую поверх него черкеску, бурку, папаху.

Женский костюм обладает гораздо большим локальным разнообразием, но повсеместно в нем должны соблюдаться некоторые общие принципы — одежда должна закрывать все участки тела, особенно волосы на голове. Почти везде девушки до замужества должны носить специальный жесткий корсет.

Постоянное ношение головного убора лицами обоего пола на людях — это не просто правило приличия и хорошего тона, но безусловный закон. «Мужчины — черкесы носили головной убор в любое время года и в любом месте, снимали его только на ночь, ложась в постель. Головной убор был олицетворением мужского достоинства, и сбивание его с головы вызывало оскорбление, которое смывалось только кровью».

Такое же ритуальное отношение к головному убору мужчин характерно для всех народов региона. У лезгин «если мужчина в чем-либо проявлял слабость, ему говорили: «Не жить тебе больше под такой папахой» (...) Считали также, что, если заменить папаху каким-либо другим головным убором, это будет равносильно переходу в другую веру. В таких случаях говорили: «Тот разве мужчина, кто папаху сменил на шапку» (...) Если в семье кто-либо совершал непристойный поступок (кражу, бесчестные действия и т. п.), ее глава снимал с головы папаху, плевал туда, затем бросал на землю и с досадой говорил:... («Вы не оставили на моей голове папаху, вы опозорили меня»)... («Больше я недостоин папахи, теперь я платок одену»).

Строгое исполнение этикетных норм внешнего вида и обязательного ношения головного убора как бы своеобразно подтверждается антинормами траурного обряда. У лезгин «Когда умирал молодой человек, имевший невесту или молодую жену, то его близкие родственницы снимали головные уборы, распускали волосы и выходили на площадь — «рат»... Все они прыгали, кружились, били в себя грудь, царапали лицо и рвали волосы на голове».

Внешне выраженным проявлением траура было перекрашивание женщинами всей одежды в черный цвет. Мужчины весь период траура не брились, они не носили особой траурной одежды, но в это время принято надевать скромную однотонную одежду.

Сословная дифференциация некоторых северокавказских обществ сказывалась и на внешнем виде людей. У черкесов «Простое население шило платье (женское — авт.) из простой материи. Высшее же сословие носило платье из бархата, шелка, украшая нарукавные подвески, подольные швы, борта, подол и рукава галунами, серебряной или золотой вышивкой, разнообразнейшим орнаментом. Сословное происхождение девушки можно было определить по цвету и украшению платья. Так, например, красный цвет платья имели право носить только девушки из княжеского и дворянского рода».

У народов Дагестана сословные различия во внешнем виде выражались порой еще резче. В прошлом кюринские и кубинские ханы и беки и их окружение следили за тем, чтобы простолюдины не нарушали этикетные нормы в одежде. «Правители, их приближенные и жены носили тогда одежду, очень отличавшуюся от одежды простого народа. Жены ханов — («хандин бикейр») ходили в белых, желтых и красных дорогих парчовых платьях с золотыми украшениями. По рассказам стариков селения Курах (бывшая резиденция ханов), правители не разрешали простым людям появляться им на глаза в белых папахах. Когда хан выходил со своими женами на прогулку, его «чауши» (слуги) ходили по улицам и кричали: «Эй! Люди! Не выходите из дома, не попадайтесь на глаза хана в белых папахах! Не появляйтесь в белых платьях! Берегите свои головы!!».

В аdataх ряда народов Северного Кавказа содержится положение о «приличном» одеянии, в котором нижестоящим по сословному рангу следует появляться в кунацкой вышестоящего. «Приличие» означает не только, и даже не столько отсутствия дыр на платье и обуви, сколько недопустимость всего того, что могло бы сравняться или, не дай Бог, превзойти по роскоши наряд князя.

Эта тенденция отчасти сохранилась в ряде мест региона до современности — считается вызывающим и неприличным одеваться особенно роскошно, приходя к вышестоящему начальству. Впрочем, среди мужчин на Северном Кавказе вообще считается недостойным особенно выделяться в одежде. Тенденция к унификации мужского костюма, характерная для региона с древности, сохраняется до сих пор, особенно у среднего и старшего поколений. Вспомним, хотя бы, т. н. «кавказскую рубаху», возникшую в 20-х гг. XX в. в качестве трансформации общекавказского бешмета, или знаменитую кавказскую «кепку-аэродром». Эти и подобные им элементы мужского одеяния становились желательными для «нормального» кавказца, а отступление от них всегда воспринималось, особенно в сельской местности, как претензия на что-то особенное — на «европейскость», «прогрессизм» и т. п.

Прическа и растительность на лице у мужчин в прошлом довольно жестко регламентировались этикетными нормами. Женская прическа, по обычаю, изменялась с возрастом. У девочек, в частности, у лезгин, до 5–6 лет несколько раз было принято сбривать волосы на голове. После этого возрастного рубежа девочки заплетали волосы в две или четыре косы. Ношение одной косы считалось предосудительным и небезопасным — девушка при этом рисковала не выйти замуж, а замужняя женщина подвергала опасности своего отца и братьев. «...Когда женщины бранились друг с другом, они нередко употребляли выражение: «...Чтобы ты с одной косой осталась». В буквальном смысле это означало: «Чтоб твой брат (или отец) умер».

Мужчины в прошлом волосы на голове брили и лишь молодежь (до 25–30 лет) оставляли на макушке хохолок — это было характерно для многих народов региона от Кабарды до Дагестана. С 35–40 лет мужчины отпускали бороду, и это было знаком перехода в возрастную категорию «старших». Более молодым отпускать бороду считалось неприличным — это воспринималось как претензия на не соответствующий возрасту и не заслуженный статус. Бывали случаи, когда молодой мужчина отпускал бороду — если умирали отец и старшие братья, и он становился главой семьи. Усы являлись непременным атрибутом внешнего вида мужчин с того времени, как они начинали расти. Не случайно в советские времена в армейских инструкциях, регламентировавших внешний вид солдат, и исключавших ношение усов, для кавказцев предусматривалось исключение.

Этикет семейной жизни

■ У народов Северного Кавказа основой семейной жизни уже давно является т. н. «малая семья» (супружеская пара и их дети), но традиции большой семьи (объединение родственников в 3–4 поколениях) и патронимии сохраняются до сих пор и проявляются в этикетных нормах.

Культура общения и поведения в рамках северокавказской семьи в прошлом определялась нормами обычного права, в котором мужчина и

женщина занимали явно не равное положение. По этому поводу один из крупнейших знатоков кавказских адатов Ф. И. Леонтович писал о положении осетинской женщины: «Муж есть повелитель и судья своей жены, а жена — первая работница в доме. Она только отправляет всякую домашнюю работу, стряпает кушанье, ткет сукно, шьет на мужа платье, но должна иногда седлать и убирать мужнюю лошадь. Муж имеет право наказывать жену свою за провинность и словами и побоями, даже до увечья, и никто в таком случае не вправе вступить за жену его, ни даже отец или брат ее».

Этикет семейной жизни тесно связан с символической топографией жилища. Эта топография расчленяется на две категории мест — «мужское—сакральное» и «женское—профанное». В общем зале самым почетным считается место у очага, наиболее удаленное от входа — это место хозяина, главы дома. У адыгов оно называется *жанта* (так в старину называли глинобитный диван), на него даже в отсутствии главы дома никто из домашних не может сесть. Оно обычно предлагается хозяином самому почетному гостю, на этой же стороне обычно размещаются гости по старшинству — чем моложе гость, тем ближе он к выходу. У самого выхода располагаются т. н. «истопники» — молодежь из числа родственников хозяина, ответственная за поддержание огня в очаге. Характерно, что подобная иерархия расположения мест наблюдается и в государственных учреждениях Северного Кавказа. Чем старше по должности или возрасту сотрудник, тем дальше от входа располагается его рабочее место.

У ногайцев, сохранивших до недавнего времени переносное жилище кочевника — кибитку (оно сохранилось в быту чабанов), его этикетная топография была, в принципе, такой же, но с некоторыми особенностями. «В кибитке нет ни стульев, ни скамьи... С трех сторон только внутри кибитки постлан на земле плетеный камыш (*орэ*), на камыш разостланы вышитые и простые войлоки (*гиииз*), которые уставлены несколькими подушками. Почетным местом в кибитке является северная сторона, приходящаяся прямо против дверей (ногайская кибитка, как и вообще жилище тюркоязычных кочевников, всегда ориентируется входом строго на юг — авт.), и это место более других обставлено подушками. Хозяйка или старшая жена всегда сидит в кибитке по правую сторону ее (если смотреть со стороны входа — авт.), где котлы, съестные припасы и все добро».

Находясь у очага, все обязаны соблюдать особые этикетные правила — нельзя не то что браниться, но и говорить и смеяться слишком громко, выяснять отношения, показывать недовольство чем-либо, делать резкие движения, бросать в огонь мусор. Это объясняется особой сакральностью очага, отраженной в фольклоре всех народов Кавказа. Самым страшным проклятием у чеченцев, обычно обращенным к кровному врагу, является формула «Пусть потухнет огонь в очаге твоего отца!», что означает: пусть прервется потомство, погибнет твой род. В прошлом даже кровный враг хозяина, сумевший живым войти в дом и притронуться к надочажной цепи, делался неприкосновенным.

С надочажной цепью на Северном Кавказе вообще связано огромное количество поверий, преданий и этикетных предписаний. Об этом писал известный кавказовед Г. Ф. Чурсин: «Надочажная цепь — самый священный предмет в старом осетинском доме. В прежнее время очажная цепь считалась величайшей семейной святыней: украсть цепь, выбросить ее из дома, или как-нибудь иначе оскорбить ее, было все равно, что совершить убийство, из-за этого возникала кровная месть». Ему вторит В. Ф. Миллер: «У осетин очаг и железные цепи (*рэхыс*), свешивающиеся над очагом, считаются святилищами сакли. Держась за цепь, осетин произносит клятвы; в брачном обряде, до введения христианства, невесту водили три раза вокруг цепи, после чего брак считался формально совершенным».

Правила поведения по отношению к очагу включают и запреты на передачу огня из него чужим людям. «Почти везде на Кавказе считалось позорным просить огонь для очага в чужом доме, да и получить его было делом непростым. Были определенные дни, когда огонь из очага на сторону не давали вообще (такие дни считались «несчастливыми», «запретными»). Например, у чеченцев и ингушей таким днем считалась среда, которая до принятия ислама считалась днем, посвященным богу огня Сели. В этот день не то, что огонь, из очага нельзя было выметать даже золу».

Женская половина дома является абсолютно запретной для посторонних мужчин. Вход в помещения женщин даже для мужчин своей семьи нежелателен, а попытка посторонних войти в них, будь они даже самыми почетными гостями, воспринимается как оскорбление главы дома. Мужчина роняет свое достоинство, прикасаясь к предметам женского обихода и вступая с женщинами в разговоры, не предусмотренные правилами хорошего тона.

Общение мужчины и женщины особенно ограничено в период, предшествующий родам, и в течение 40 дней после них. В это время женщина считается «нечистой», и поэтому мужчинам семьи нежелательно даже видеть ее, не говоря уже о других контактах с ней. Впрочем, такое «избегание» сопряжено со шадящим режимом жизни роженицы — ей запрещается работать, считается необходимым оберегать ее от лишних волнений, ей готовят специальные блюда. Традиционное ограничительное поведение в отношении рожениц характерно и для современности — на Северном Кавказе редко можно увидеть мужа, навещающего жену в роддоме или встречающего ее там после родов и еще реже — несущего по улице новорожденного.

Правила поведения в отношениях между главой дома и его женой выступают основой семейного этикета. Эти правила имеют черты особого установления, именуемого в этнографии избеганием или ограничительным поведением. Этикетные принципы избегания мужчины и женщины начинают соблюдаться задолго до бракосочетания. У чеченцев «жених должен прятаться не только от своих родственников, но и от родственников жены. Причем, если от своих родственников он должен скрываться до окончания брачных церемоний, то от родственников жены — до тех пор, пока не нанесет официальный визит в дом родителей невесты.... В отличие от жениха,

невеста не только имеет право присутствовать на свадьбе, но и является главным объектом внимания всех присутствующих». Впрочем, у других народов региона и невеста не может присутствовать на свадьбе.

Примерно так же дело обстоит, да и сейчас во многом обстоит у осетин. «После сватовства поведение как девушки, так и парня менялось. Парень (уже зять) с этого дня начинал избегать (прятаться — *йэхи эмбэхсын*) отца и мать невесты, а также старших мужчин из рода тещи. Он не должен был даже проезжать по той улице, где они проживали. А если ему случалось ехать верхом там, то, приближаясь к дому того или другого родственника девушки, он сходил с лошади. Минувя этот дом, и пройдя еще некоторое расстояние пешком, он снова садился на лошадь и ехал дальше». Девушка после того, как ее просватали, не должна появляться в одиночку рядом с домом своего жениха. Она могла проходить рядом только в сопровождении своих подруг и при этом должна скрывать свое лицо платком».

Избегание проявляется и в том, что мужу и жене не полагалось находиться в одном помещении дома, беседовать, есть за одним столом, оставаться наедине. Известный этнограф В. Ф. Миллер писал в прошлом веке об осетинах: «муж часто сильно любит жену, но вместе с тем считает позором, если его застанут с ней наедине, и при посторонних, встречаясь с женой, не решается с ней заговорить». Супруги при посторонних не могли называть друг друга «мужем» и «женой» и по имени. При необходимости как-то называть друг друга говорили «он», «она», «хозяин», «живущая в доме» и т. п.

У кумыков и, особенно, среди аристократии «жены не вмешивались в дела мужей. Последние не ходили к женам до полуночи, когда они шли спать... Порядочные жены делали все, что им скажут мужья и, не разбираясь, правильно ли это или нет. Когда мужья уходили куда-нибудь, то они не спали до их возвращения и не клали постель из опасения, что если придет с их мужьями кто, то придется им стыдиться перед ними. Были и такие среди мужей, которые давали развод своим женам за то, что их застали спящими. Порядочные жены не ели при мужьях и даже воды не пили на их глазах. Они не называли мужей по имени из уважения к ним. Родственникам своих мужей они давали особые почетные имена, не называя их настоящим именем. С отцами мужей они не говорили до смерти».

Ногайская женщина в некотором отношении обладает большой свободой по сравнению с женщинами других народов региона, в чем отражается характерная для кочевников относительная мягкость нравов. Но и у ногайцев «она не имеет права при старших говорить, рассуждать, называть по имени мужа. Да и сам ногаец считает для себя унижением и стыдом называть свою жену по имени... Когда у молодого ногайца умирает жена, то он не только не должен плакать, но даже показывать вид, что он грустит по умершей».

Поведение в отношениях между родителями и детьми также регламентировано нормами этикета. Эти нормы предписывают родителям демонстративную сдержанность по отношению к детям, особенно это касается отцов. У всех народов Северного Кавказа отец в присутствии старших не может взять

детей на руки, приласкать их, поиграть с ними. Коста Хетагуров вспоминал: «только в самом интимном кругу (жены и детей) или с глазу на глаз позволено отцу дать волю своим чувствам и помянуть и приласкать детей. Если осетина-отца в прошлые времена случайно заставляли с ребенком на руках, то он не задумывался бросить малютку куда попало... Я не помню, чтобы отец назвал меня когда-нибудь по имени. Говоря обо мне, он всегда выражался так: где наш сын? не видал ли кто нашего мальчика?».

Еще более впечатляющий случай, скорее всего, ставший легендой, гипертрофированно выражающей поведенческую норму из старинного быта кумыков приводит М. Алибек: «Янсук — Хаджи Таулу-заде, когда увидел, выйдя из своей кунацкой и войдя в конюшню, своего малолетнего сына, поднятого быком на рога, не сняв его, пришел обратно в свою кунацкую — «Там в конюшне один ребенок плачет». После чего его домашние пошли в конюшню и сняли его ребенка с рогов быка».

Поведение матери, конечно же, не так строго регламентируется, как поведение отца, но и мать на первых порах после рождения ребенка делает вид, что ничего общего с ним не имеет, она выполняет предписания запрета на имена своих детей.

Совершенно иная модель поведения между дедушками, бабушками и внуками. Здесь позволительны ласки, совместные игры в присутствии посторонних. Кстати, запретные в отношении родителей слова «папа», «мама», часто употребляются при обращении к деду и бабушке.

Поведение детей в семье в целом отличается почитательностью и послушанием по отношению ко всем взрослым, но степень строгости зависит от возраста. Можно выделить два возрастных рубежа: 6–8 и 10–12 лет. До 6–8 лет дети независимо от пола практически ни в чем не ограничивались, мальчики и девочки играли вместе, к труду их не привлекали. С 6–8 лет мальчиков и девочек начинали постепенно обособлять, причем, к девочкам с этого возраста проявляют больше строгости, их приобщают к женским домашним работам. У даргинцев мальчики с этого возраста избавляются от видимого признака младенчества — им срезают пучок волос, оставшийся на макушке с рождения.

С 10–12 лет мальчиков переводят из общей комнаты, где они до этого спали вместе с родителями, в кунацкую, а девочек — в особые помещения. Мальчикам выдавали более полный комплект мужской одежды, а на девочек у некоторых народов надевали корсет, который они носили до замужества. С этого времени девочки, даже если они не были половозрелыми, должны были вести себя как взрослые. Им нельзя было находиться вне дома с наступлением темноты, оставаться наедине с подростками и юношами.

В этом возрасте дети должны усвоить весь комплекс этикетных правил поведения в общественных местах. Мальчики усваивали, что каждый взрослый может попросить их об услуге и отказаться выполнить ее нельзя, что с взрослым нельзя заговорить первым, обогнать его или пересечь ему дорогу и т. д. И мальчики и девочки должны к этому возрасту усвоить и вы-

полнять все знаки внимания к старшим и лицам противоположного пола, причем девочка должна соблюдать почтительность в отношении своих сверстников — мальчиков: уступать дорогу, освободить место и т. п., поскольку мужчина считается старше женщины. В это время мальчики и девочки уже должны демонстрировать знаки взаимного отчуждения.

Впрочем, взаимное отчуждение полов на Северном Кавказе не следует преувеличивать. В традициях народов региона существуют санкционированные обычаями формы общения молодежи, которые в чем-то похожи на русские посиделки (беседы, хороводы, вечерки и т. п.). У аварцев они называются «цадух чей» («сидеть у огня»), у даргинцев — «булькунза» (перевод неясен), у лезгин — «хурук фин» (означает — «идти в гости, чтобы скоротать длинный зимний вечер»), у лакцев — «дуссухалу» (означает — «посидеть вечером у огня; собраться у кого-либо»). Молодые девушки собираются повеселиться, попеть, потанцевать, заодно выполняют небольшую работу.

Бывают посиделки, которые проходят с участием мужчин, обычно молодых. «Юноши приносят с собой музыкальные инструменты, выступают инициаторами веселья. Обычно, располагаясь полукругом друг против друга, образуют в центре пространство для танцев. Танцуют обычно парный танец типа лезгинки».

У многих народов Северного Кавказа ритуальным рубежом, отделяющим отрочество от взрослого состояния, были обряды, напоминающие древние инициации. Локальные их формы чрезвычайно многообразны, но суть везде примерно одна и та же — мальчиков подвергали испытаниям на физическую и психологическую выносливость, на знание обычаев и, если они выдерживали эти испытания, их официально признавали полноправными мужчинами. Одним из элементов инициации можно считать обрезание (удаление крайней плоти). Этот обычай, как правило, связывают с установлениями ислама, но на Северном Кавказе зафиксированы районы, где эту операцию делают не в раннем, как положено по мусульманским законам, возрасте, а именно на пороге возмужалости, в 15–17 лет. У осетин-мусульман эта операция производилась как составная часть сложного обряда испытаний.

У цезских народов Дагестана мальчики помещались на мишень, а взрослые мужчины стреляли по ней, испытуемые надолго оставались под дождем. У адыгских народов подобные испытания дополнялись проверкой знания этикета. В некоторых районах старейшины торжественно объявляли на аульном сходе имена юношей, с честью выдержавших испытания и получивших права мужчины, что наряду с прочим означало переход в состояние особой этикетной регламентированности поведения и общения.

С особенной строгостью в северокавказской семье соблюдались правила поведения в отношении свойственников — невестки и родственников ее мужа, и зятя и родственников его жены. Невестка, в особенности молодая, была ограничена в поведении практически во всем: «Никто не слышит ее голоса, никто не видит ее сидящей, — пишет об осетинской невестке Коста Хетагуров, — встает она раньше всех, везде подметет, уберет, всем

прислуживает, ест наскоро и позже всех, ложиться спать позже всех...На ее плечах все заботы о семье у домашнего очага. Она должна всех обшить, напоить и накормить... Исключая платья, женщина не имеет никакой собственности, ни от отца, ни от мужа ничего не переходит к ней по наследству». Обычай предписывал молодой осетинской жене оказывать подчеркнутые знаки почтения к мужу, она, «пока не снимет обуви с мужа, никогда не ляжет спать». Какое-то количество лет после свадьбы она не имела права разговаривать со старшими родственниками мужа, в особенности с его отцом и дедом; не могла находиться с ними в одном помещении, прямо смотреть на них; не могла называть всех родственников мужа по имени, используя для этого условные имена (свекор и свекровь у адыгских народов именовали «князем» и «княгиней»). Избегание было не односторонним, а обоюдным. Свекор сам никогда не входит в комнату, где живут его сын и невестка, и даже не приближается к ее двери.

С течением времени, когда у невестки рождались и подрастали дети, правила избегания постепенно смягчались, но никогда не исчезали вовсе. Получив право находиться в одном помещении со свекром и общаться с ним, она, как правило, никогда не заговаривает с ним первой без особой нужды и ограничивает свое общение лишь ответами на его вопросы. Отмеченный ранее обычай устраивать два отдельных входа в дом — для мужчин и женщин — следствие этих правил избегания.

Приниженное положение женщины в северокавказской семье, о котором так много написано, не следует, однако, преувеличивать. Эта приниженность часто имеет этикетный и ритуальный характер. В действительности же в семейной жизни женщины в ряде вопросов играют весьма важную роль. Особенно это относится к так называемым «старшим женщинам», у карачаевцев и балкарцев — *юй бийче*, у ногойцев — *авай*, у абазин — *акважа*, у кабардинцев — *гуаше*. Старшие женщины играли важную роль в семейном религиозном культе, так как выступали хранительницами главной семейной святыни — очага. Они были полновластными хозяйками и распорядительницами на кухне и в кладовой, куда мужчины в большинстве случаев вообще не имели права входа. Без их участия не принимались никакие решения о приобретении одежды и предметов домашнего обихода. Они были абсолютными госпожами в отношении всех женщин семьи (дочерей и невесток), распределяли между ними работу и пользовались правом получения от них всех внешних проявлений почтения. Без разрешения старшей женщины дочери и невестки не смели покинуть дом, даже если нужно было пойти по воду к источнику или по хозяйственным делам к соседям.

Избегание мужчиной родственников своей жены, распространенное по всему Северному Кавказу, касалось преимущественно старших из них. Выражалось это избегание в том, что мужчина не посещал дома родителей своей жены, а те — его дома. Увидев тестя или тещу в общественном месте, зять, если это происходило на улице, переходил на другую сторону, а если в государственном учреждении, то ретировался и возвращался после их ухо-

да. Особенно строго эти предписания выполнялись у черкесов и адыгейцев. У них они соблюдались всю жизнь, у других народов их выполнение ограничивалось каким-либо периодом — либо до рождения первого ребенка, либо до специального ритуала «знакомства». Осетины, карачаевцы, балкарцы избегают тещу более строго, чем тестя.

У чеченцев «после официального посещения родителей жены зять вступает с ними в особые отношения, которые называются *«нойцамеладар»*, смысл которых сводится к тому, что он должен «служить» родственникам жены, т. е. быть в курсе всего, что происходит в их семье и быть всегда начеку, когда в чем-то потребуется его помощь».

Особая живучесть обычаев избегания на Северном Кавказе объясняется особыми условиями исторического развития этого региона. К этим условиям можно отнести отсутствие здесь в прошлом развитых форм государственности, которые в других местах России уже давно вытеснили из сферы активного функционирования такие социальные институты, как род, патронимия и тому подобные генеалогические образования.

Активное вторжение в жизнь северокавказских народов государственных институтов в годы Советской власти привело, наряду с прочими причинами, к значительному упрощению этикетных норм ограниченного поведения. В это время и, в особенности в городах практически исчезли элементы избегания между мужем и женой, родителями и детьми, но все еще принято демонстрировать особо сдержанные отношения между зятем и тещей, невесткой и свекром, а в ряде местностей (на западе региона) избегание этих категорий свойственников осуществляется в полном объеме.

Особый раздел культуры общения и поведения составляют нормы, регулирующие отношение к больным и раненым. Традиционные приемы лечения и ухода за больными представляют собой, как правило, сочетание религиозно-магических и рациональных медицинских представлений и действий. Не вдаваясь в анализ собственно религиозного и медицинского содержания этих приемов, можно представить чисто поведенческие аспекты этой важной стороны семейного быта народов Северного Кавказа.

В прошлом особый страх вызывали эпидемии чумы, холеры, оспы. Вот какие предписания в отношении больных оспой зафиксировал у черкесов известный кавказовед Е. М. Шиллинг: «... обычай запрещал семье больного стирать белье, мыться, чтобы оспа не подумала, что ее считают нечистой. Ежедневно в доме больного родственники устраивали песни, пляски и игры в честь оспы. Готовили особое угощение «оспенный хлеб» — выпуклые и плоские кусочки вареного просяного теста, напоминавшие оспенные нарывы. Родственница с чашкой, наполненной «оспенным хлебом», подходила к больному с молитвой, трижды проводила тупой стороной ножа по хлебу и угощала сперва больного, а затем остальных. Считалось, что семья, таким образом, усыновляла оспу, которая и становилась ее покровителем».

У ряда народов региона, наряду с отмеченными запретами, существовали запреты принимать какие-либо лекарственные снадобья, приносить к

большому кипяченую воду, разводив в его помещении огонь и др. По обычаю на похоронах умершего от оспы не разрешалось внешне выражать горе и, напротив, предписывалось демонстрировать радость.

Персонификация оспы в приведенных примерах — это, конечно же, действие магическое, но сам факт наделения этой болезни признаками личности как бы автоматически включает ее в систему этикетных отношений, то есть вести себя по отношению к ней как к могущественному гостю или даже как к родственнику.

Определенным этикетным «измерением» отличаются некоторые обычаи, связанные с уходом за ранеными и получившими увечья. В частности, примечателен в этом отношении распространенный среди адыгских народов обряд ухода за раненым — *чапш*. В этом обряде среди различных магических действий существует и такое: «рядом с постелью ставили чашку с водой и яйцом, а также располагали лемех с молотком. Считалось, что если рана была нанесена предумышленно, то от удара молотком по лемеху яйцо треснет. Затем пострадавшего вносили в помещение и посылали за лекарем. Как только тот завершал свое дело, к пострадавшему начинали сходитья жители села. Друзья и родственники должны были привести для угощения гостей жертвенное животное. Закалывали его с молитвой о скорейшем выздоровлении. Обычай предписывал, чтобы каждый, кто впервые пришел, ударил три раза по лемеху, окропил водой из чаши постель и произнес благопожелание: «Пусть бог поможет выздоровлению и даст много лет жизни».

Одно из назначений *чапша* — не дать раненному уснуть ночью, так как по народным поверьям ночная темнота полна зловредных духов, перед которыми спящий в одиночестве больной особенно беззащитен. Именно поэтому на *чапш* ночью принято являться молодежи села с музыкантами и устраивать пирושку с танцами, играми, песнями. У адыгов даже сложились особые жанры «чапшевых песен» и «чапшевых игр», в частности, игра, в ходе которой молодежь старается надкусить круглый пирог, подвешенный к потолку на веревке.

По материалам И. Х. Калмыкова обряд *чапш* в почти полном объеме бытовал у адыгов до Великой Отечественной войны, а к настоящему времени от него сохранился обычай (этикетный) обязательного посещения пострадавшего всеми родственниками и друзьями.

Этикет общественной жизни

■ Нормы традиционного этикета, регулировавшие поведение северокавказских народов, наряду с уже отмеченными общими принципами, определялись традиционными социальными институтами, к которым нужно отнести сословия, народные собрания разных уровней (от сельского до общенародного), советы старейшин, мужские союзы, кровная месть, война, общественные праздники и обряды, символические формы коммуникации и то, что можно условно назвать «соревновательностью».

Сословный строй, особенно характерный для запада (адыгские народы, карачаевцы, балкарцы) и востока (народы Дагестана) региона в прошлом в этикетной сфере находил отчетливое выражение. Так, например, у кабардинцев коновязи на дворе располагались согласно сословной иерархии — для князей ближе к дому, для дворян — дальше от него, а для крестьян — порой за пределами двора.

Князю (*пши*) всегда предназначалось самое почетное место. В XIX в. существовали даже специальные документы, регламентирующие поведение в зависимости от сословного ранга, подобные «Выписке о привилегированных сословиях Кабардинского округа», относящейся к 1872 г. Вот характерная выдержка из этого документа: «Окружающие князя при следовании сего последнего верхом или пешком размещаются следующим образом: почетный ворк (дворянин — авт.) с левой стороны князя, другой ворк, по летам и званию следующий за первым, — с правой стороны его; остальные размещаются сзади и по сторонам...».

Правила подобного рода соблюдались очень строго. Известный автор XIX в. Крым-Гирей, принадлежавший к сословию хануко (потомки крымских ханов, высшая ступень адыгской феодальной иерархии — авт.) вспоминает, как однажды, находясь в мечети и, полагая, что здесь «перед Богом все люди равны», он встал слева от человека низкого ранга. Мулла прервал молитву и заставил простолюдина встать там, где положено его званию. В ряде случаев сословные перегородки делали несовместимыми многие вещи. Так сидеть за одним столом дворянам высоких степеней и крестьянам было нельзя. Последние в лучшем случае стояли у стен помещения или у входа в него.

Особые этикетные права аристократов часто означали и определенные их обязанности. Право быть «первым» за столом сочеталось с правом и обязанностью быть первым в бою, последним при отступлении.

Впрочем, социальная иерархия, получившая в этикете Северного Кавказа столь отчетливое отражение, порой как бы отменяется. Это видно в случаях амбивалентного отношения к париям общества — нищим, юродивым, слабоумным. Всеми презираемые, они, в то же время, пользуются особыми правами на демонстративную почтительность по отношению к себе. Эта сложная поведенческая модель находит, порой, отражение в легендах, связанных с канонизацией в местных вариантах народного ислама умерших «убогих». В качестве примера можно привести культ юродивой Айишгай из аула Шиназ в Дагестане. «Эта отверженная 16-летняя девушка, презираемая всеми за неряшество, однажды вывела на дорогу заблудившихся в горах паломников, возвращавшихся в Шиназ после хаджа в Мекку. Вскоре после этого случая Айишгай пропала из села. Этого было достаточно, чтобы объявить ее святой. Спасение паломников было признано первым чудом Айишгай, совершенным ею по воле Аллаха. Хотя тело новой святой не было обнаружено, ей все равно построили каменный мавзолей возле того дома, где она жила».

При всех своих привилегиях аристократия северокавказских народов не выпадала из общенародного правового пространства. Князя и дворя-

не несли ответственность за нарушение законов, причем ответственность эта связывалась с аристократическим рангом нарушителя и нередко выражалась в том, что его лишали права на приличествующее этому рангу этикетное выражение почтительности со стороны простолюдинов. В памятнике «Адаты кумыков» есть такое положение: «Если этого годовичного канлы (человека, ворвавшегося с целью кровомщения в дом, представивший убежище его кровнику и убившего его, и за это по решению суда изгнанного на год из общества — авт.) в течение года не убьет домохозяин, то, если он из княжеского рода, по возвращении ему не оказывали подобающей князю чести — как «доброе утро», «добрый вечер», а если же он уздень (у кумыков — дворянин — авт.), то говорили по его адресу: «он низкое существо», «он не человек», и его не допускали ни в какие общественные сборища (или вообще в какие либо сборища)».

Помимо признанного и регламентированного почитания аристократии со стороны простого народа в некоторых обществах Северного Кавказа в прошлом существовала своеобразная шкала степеней уважения, которая имела особое значение в системе традиционного этикета. И. Бабич собрала этнографический материал по этому вопросу и представила условную иерархическую схему степеней уважения и неуважения, бытующих у кабардинцев.

В приближительном переводе с кабардинского категории, отражающие степени уважения от наивысшей до самой низкой, выглядят следующим образом: «приравнивать к пророку», «почитать», «признавать авторитет», «оказывать уважение». Существует и иерархия степеней неуважения от минимальной до максимальной: «не считать человеком», «приравнивать к собаке», «рассматривать как не помнящего родства, незаконнорожденно-го, собакой рожденного».

Степень «оказывать уважение» относилась к людям, «которые никакими особыми личными качествами не выделялись, но, вместе с тем, ничем в моральном отношении себя не запятнали». В отношениях с ними принято соблюдать элементарные нормы этикета — «поздороваться при встрече, задать вопрос о жизни и здоровье, оказать в случае необходимости помощь. Независимо от биологического возраста таких людей, при них не запрещается курить, пить, рассказывать анекдоты. Окружающие могли не следовать советам этих людей».

В присутствии людей, обладающих правом на «признание авторитета» (право на это давали особые личные качества, заслуги перед обществом, выборная должность и др.), «...не разрешалось курить, пить, перебивать их во время беседы. Их места были самыми почетными в доме. При появлении «авторитетных» людей надо было вставать. Окружающие обязаны были прислушиваться к советам, данным «авторитетными» людьми. Во время застолья следовало вспомнить о них, произнести похвальное слово».

Людей, завоевавших право на «почитание», в кабардинских селениях было мало. Это были люди, совершившие военные подвиги, получившие особые знаки отличия (царские ордена, медали), имевшие заметный чин, особо

талантливые поэты-сказители (джегуако), а также князья и уздени первой степени, но не все, а обладавшие выдающимися личными качествами (мудрость, благородство, справедливость и т. п.). «Почитание» проявлялось, в первую очередь, в соблюдении ряда этикетных норм поведения. Так, если во время застолья случайно произносилось имя «почитаемого» человека, то присутствующие обязаны были произнести тост в его честь. «Почитаемые» кабардинцы могли примирять людей во время ссор, драк, кровной мести, кражи невест. Их обязательно приглашали для бесед с гостями, на свадьбы и похороны».

Степень уважения, именуемая «приравнивать к пророку» — редкое явление в кабардинском обществе. Ею общественное мнение удостаивало «только очень умных и добрых людей, не запятнавших себя ни сплетнями, ни черствым отношением к окружающим. Обычно в селении было 2–3 таких человека. При наличии особых заслуг таким человеком мог быть религиозный лидер. Однако военные, независимо от своих достоинств, не могли быть «приравнены к пророку». Такими людьми иногда бывали судьи. Уважение к людям, которых «приравнивали к пророку», проявлялось, прежде всего, в незамедлительном следовании их советам. Во-вторых, их обязанностью было примирять врагов, вмешиваться в различные дела, касающиеся всего селения».

Этикетное отношение к людям, запятнавшим себя позорными делами, выражалось в демонстративном неуважении, степень которого зависела от степени низости совершенного проступка или преступления — от отказа здороваться и общаться с ними и нежелания приглашать на семейные и общественные торжества до запрета на публичное произнесение их имен и на оказание им помощи. Таких людей иногда просто изгоняли из общества.

В «вольных обществах» Северного Кавказа (Чечня, некоторые группы Дагестана и Западного Кавказа) этикет общественной жизни регулировался соображениями возраста и статуса в соответствующей общинно-генеалогической структуре. У многих из народов региона существует общенародная святыня, определяющая важнейшие категории бытия людей родовые и иные группировки, принципы взаимоотношений между ними, отраженные в легендах и исторических преданиях. У чеченцев «духовным и историческим центром являлась местность Нашха, где находился большой котел, на котором были начертаны названия всех исконных чеченских тайпов (нихалой, терлой, гуной, беной, варадой, харачой, центорой, пешхой, аларой, ишхой, белгатой и т. д.). Котел — это символ единства, родства всех чеченцев (как семья, собравшаяся на трапезу вокруг единого котла)». При решении дел на народных собраниях или сельских сходах в Чечне решающий голос имели старейшины — главы больших семей, а если в селении жили представители разных тэйпов, то старшины каждого из их местных подразделений. Процедура принятия решений на сходах представляла собой своеобразный ритуал, в котором конечный результат определялся не формальным статусом сторонника того или иного варианта, а его неформальным авторитетом и, не в последнюю очередь, ораторским искусством, которое на Кавказе всегда было чрезвычайно развито.

На сельских сходах решения принимались, чаще всего, голосованием. Для голосования по важным вопросам (изгнание преступника из общины, передел земли, сбор денег и т. п.) было необходимо присутствие не менее двух третей имеющих право голоса. В разных общинах, в зависимости от существующей традиции, голосование было либо открытым, либо закрытым. В Осетии в ряде мест открытое голосование проходило следующим образом: «Все становились в ряд, голосующие «за» выходили в одну сторону, а «против» — в другую».

Главным средоточием общественной жизни народов Северного Кавказа являются своеобразные общественные центры — места проведения общественных сходов, в которых принимают участие только полноправные мужчины. Здесь помимо официально назначаемых собраний и судебных разбирательств, мужчины проводят время в беседах, устраивают обряды, а порой и пирушки. Женщинам в эти общественные центры вход воспрещен, а порой и близко приближаться не разрешается. Название этих общественных мест — у осетин *ныхас*, у аварцев и даргинцев *годекан*, у адыгских народов *хаса*, у чеченцев и ингушей *пхоча*, у карачаевцев и балкарцев *ныгыш*, у лезгин *ким* — чаще всего относилось и к общественному сходу. Своеобразными филиалами общественных мест можно считать кунацкие (специальные гостевые дома или помещения для мужчин). Они бывают нескольких типов. Один из них представляет собой отдельный дом, стоящий либо в усадьбе хозяина, либо на некотором расстоянии от нее. Этот тип наиболее всего характерен для адыгских народов, но встречается по всему региону. В Дагестане он известен у кумыков, лакцев и лезгин. Другой тип — это отдельное помещение в доме. В большинстве случаев кунацкая — это часть семейного имущества, но бывают и принадлежащие всему сельскому обществу. Это характерно, в частности, для балкарцев.

У ногайцев, кочевые поселения (аулы) которые в прошлом никогда не были многолюдными, «всегда устраивалась одна особая кибитка для приема гостей. Поскольку в ауле, как правило, жили родственники, то старший из них — *аул бай* — и занимал эту самую большую и самую богатую убранством кибитку. На него ложились обязанности приема почетных гостей от лица всего аула. В этой же кибитке он проводил и аульные советы».

И место общественного схода, и кунацкая свойственны всем народам Северного Кавказа — и «вольным обществам», и обществам с выраженными аристократическими рангами. Но в жизни этих двух типов социальных структур они имеют разное значение, а порой находятся в оппозиции. Так, наблюдатели в прошлом обращали внимание на то, что у осетин «высшее сословие считает унижительным для себя ходить на холм (*нихас*), так как туда собираются люди из низшего сословия». Каламбий (Кешев А. Г.) писал о подобной ситуации у адыгов: «Заседатели холма, состоящие исключительно из людей работающих, из крестьян и тех обедневших дворян, которым судьба всучила в руки лопату и топор... питают неодолимое отвращение к сословию праздных, занятых одними лошадьми и оружием дво-

рян. И это весьма понятно. У заседателей холма свои особенные наклонности, свой образ мыслей, свой взгляд на вещи, свои идеалы, прямо противоположные стремлениям, воззрениям и идеалам кунацкой». При явном антагонизме «холма» и «кунацкой» в некоторых обществах, оба этих института все же представляют собой в этикетном смысле хоть и дифференцированное, но единое пространство. Поведение в этих местах довольно жестко регламентируется обычаям. Весьма показательной для северокавказского схода может служить ситуация на осетинском *ныхасе*, на котором в центре полукругом сидят старейшины — *хистэертэе*, далее от центра концентрическими полукругами обязательно стоя располагаются зрелые мужи, молодые мужчины и юноши. Молодые мужчины и юноши в ходе обсуждения и принятия решения *ныхасом* по правилам этикета преимущественно молчат.

Вне официальных ситуаций *годекан*, а также часто и примыкающая к нему мечеть служат как бы открытым мужским клубом, где многие проводят большую часть свободного времени. В одном из описаний XIX в. образ жизни мужчин у лакцев представлен следующим образом: «...мужчины редко спят дома: молодые люди отправляются обыкновенно на ночлег на улицу или на площадь, а кто постарше — в мечеть. Спящие на улице и на площади лежат на камнях, положенных там как для этой цели, так и для сидения днем, а укрываются овчинными шубами. Кроме старших, в мечети спят еще приезжие. Горцы вообще гостеприимны; поэтому всякий приезжий, не имеющий в ауле кунака (знакомого), приходит на площадь перед мечетью, где всегда найдет праздных людей; как скоро он объявит, что у него нет кунака, *чауш* (слуга — авт.) препровождает его к тому из жителей, на ком лежит очередь гостеприимства, и последний обязан накормить гостя как можно лучше, дать ему шубу и проводить на ночлег в мечеть».

Этикетные предписания принято соблюдать на *годекане*, *ныхасе*, *пхоге* и т. п. и в неофициальных ситуациях. Показательна в этом плане информация, собранная С. С. Агашириновой о правилах, предписывающих темы разговоров на разных *кимах* лезгинского аула Хрюк. Так на первой площади — «*Бтлур мяглед ким*» большей частью только сплетничали. Если кто-то в селении хотел «новости», он ходил именно на этот *ким*. На второй площади — «*Винни ким*» велись разговоры только о сельскохозяйственных работах (когда следует начать посев, у кого не хватает сельхозинвентаря, у кого лишний инвентарь, как можно приобрести инвентарь, как можно наняться на сельскохозяйственные работы, и какой день следует начать уборку урожая и т. д.). На третьей площади — «*Балклан кьейи ким*» также беседовали о сельскохозяйственных работах и о скоте для этих работ. На четвертой площади — «*Сиклер ким*» (что в переводе означает «площадь лисиц») велись беседы только об охоте. На пятой площади — «*Дунгаинин ким*» (площадь рисоочистительного станка) вели разговор о чистке риса — сырца и проса, об их стоимости и доставке и т. п. На шестой площади — «*Агья мяглед ким*» беседовали для продажи, кто нанимается на рубку дров и т. п.)».

Хотя подавляющее большинство кунацких Северного Кавказа — это формально частная собственность, фактически они не вполне принадлежат

своим хозяевам, так как обычай предписывал держать их двери открытыми для всех мужчин. Так что стиль поведения и общения, характерный для мест сходов, вполне распространялся и на кунацкие.

Решения народных собраний, как правило, обязательны для исполнения всеми членами общества, уклонения от их исполнения наказываются различными способами — от смертной казни (в прошлом) до штрафов, — которые определяются специальными положениями адатов. Но есть среди репрессивных обычаев народов Северного Кавказа и такие, которые имеют и этикетный смысл. Так, к уклоняющимся от исполнения решения *ныхаса*, по осетинским обычаям, может быть применен своеобразный бойкот (*ходы*). С тем, кому он объявляется, запрещено общаться всем членам общества, включая его родственников».

Народные собрания — один из главных институтов социального контроля и социального регулирования северокавказских народов. Этот орган военной демократии был характерен и для аристократических обществ. В нем имели право участвовать все взрослые мужчины, исключение составляли в прошлом рабы, а также люди, преступившие нормы адата. У кумыков «те, которые не придерживались адатов, не допускались в народные сборища и в кунацкие князей и узденей».

Общественная жизнь северокавказских народов имеет ряд поведенческих особенностей, имеющих этикетный характер. К ним относятся т. н. «предметные иносказания». Хорошо известные в Кабарде сказания о справедливом судье Жабаге Казаноко, жившем в XVI в., являются своеобразной фольклорной формой бытования этикетных норм в народном сознании. Так, в одном из сказаний повествуется о том, как позы, принимаемые Казаноко, означают целые оценочные высказывания: лицом к человеку — одобрение, боком — порицание и т. п.

Вообще язык поз и жестов очень выразителен, а порой и незаменим словами. В конфликтных ситуациях порой нельзя словесно предложить партнеру одуматься и обсудить ситуацию — это может быть расценено как трусость. Для этого применяется «жестовое послание» — всадник спешивается, поворачивает в сторону угол седла таким образом, чтобы на нем нельзя было сидеть, и становится лицом к противнику. Это означает примерно то же, что и открытое забрало в эпоху европейского средневековья. Рыцарский кодекс предписывает в таких случаях сдержанность и согласие на переговоры.

В некоторых районах Кабарды семье, чья очередь выступать в ночной дозор, никто никаких словесных приказов не отдавал. Для этого существовал иносказательный прием — перед ее усадьбой втыкали специальную палку *куаже баш* («сельская палка»). Известно и предметное иносказание в виде палок, связанных крестом — они означали запрет на вход в дом или в сад.

Предметные иносказания в виде флага используются в Кабарде для отличия победительницы в конкурсе красоты на свадьбах — перед ней распорядитель втыкает в землю специальный флаг и это без слов означает, что избранная девушка получает особые права, в том числе танцевать с

самым знатным из гостей. Флаг, вывешенный на крыше дома, иногда означает, что в нем живет юноша, которого собираются женить — это существенно влияет на поведение юноши и на отношение к его поведению со стороны односельчан. Флаг красный или пестрый вывешивают и на доме, где ожидается прибавление семейства — это сигнал к особым поведенческим предосторожностям, связанным с родами и младенцами.

Флаг используется и по обычаям ногайцев для обозначения жилища новобрачных и с теми же предупредительными целями. «С входом невесты в кибитку, в «отове» (малая кибитка, предназначенная для молодой семьи — авт.) устанавливается высокий кол называемый «сурук», который выходит наружу отова из верхнего отверстия, и на нем укрепляется треугольная полсть, вышитая разными пестрыми материями (тунглык)».

Нередко отдельные элементы одежды выступают знаковыми посланиями для окружающих, порой очень важными для выбора этикетно правильной линии поведения. Так, у ногайцев, как, впрочем, и у всех народов региона, женщина не может показаться на людях без головного убора, но отдельные элементы головных уборов у замужних женщин и девушек разные. Вообще женский головной убор — это «высокая суконная шапка, спереди обшитая кундузом (мех речной выдры); верх шапки также делается из сукна, в большинстве случаев красного; эта женская шапка (кундуз-борк) покрывается тастаром — большой белой простыней... У девушек покрывало на шапке обязательно бывает красного цвета и называется явлык. Цветом головных покрывал только и можно отличить девушку от замужней женщины, так как очень часто ногаянка 12–14 лет бывает уже замужем».

По цвету женского головного покрывала и рубахи можно определить и тех, кто находится в трауре — белый тастар в этом случае заменяется желтым, а красная рубаха — темной. Очевидно, что стиль поведения в обществе с членами семьи, женщины которой таким образом одеты, должен отличаться сдержанностью.

Иносказания — иногда незаменимые средства в делах, которые иначе трудно устроить. Этикетные запреты на общение между юношами и девушками не дают порой возможности прямого признания в любви и предложения руки и сердца. В таких случаях юноша, посетив дом своей избранницы, может, уходя оставить в нем шапку, кинжал или другой предмет и это будет однозначно расценено как предложение. В ситуации сватовства нареченные обмениваются подарками (ауж) и если какая-нибудь сторона передумает вступить в брак, то знаком этого служит возвращение дара через посредника. Это значительно облегчает процедуру разрыва, позволяет избежать межсемейных конфликтов.

У ногайцев одной из форм иносказательной, но вполне прозрачной, демонстрации брачных намерений было изготовление девушкой во время сабантуя специального сладкого блюда козы борк (шапка из орехов) и вручение его в игровой ситуации тому, кто был ей мил.

Язык жестов предусмотрен в целом ряде этикетных ситуаций. Так, чтобы деликатнее сообщить кому-либо печальную весть о смерти близкого человека, у адыгейцев принято войти к нему и закрыть дверь тыльной стороной ладони. Вообще необычное положение руки по этикетным правилам адыгов является знаком скорби: на похоронах в знак соболезнования принят характерный взмах левой руки; тот, кто пришел с печальным известием делает левой рукой то, что этикет предписывает делать правой (например, держит плеть в левой руке); желая сообщить о своем отказе сватающемуся юноше, девушка закрывает дверь тыльной стороной левой руки.

Учитывая эти обстоятельства понятно, почему этикет так настойчиво требует следить за жестами, ибо любое отклонение от нормы — это анти-норма, знак чего-либо плохого или оскорбительного.

Общинная жизнь северокавказских народов полна предписаний и запретов, подчас имеющих узко локальное значение. К примеру, в Дагестане не все дни недели считались благоприятными для выполнения определенных дел. Для жителей с. Аркит запретными днями были вторник и среда, с. Хоредж — пятница. В пятницу жители всех табасаранских сел не начинали ткать ковер, не выходили в путь, до обеда нельзя было выполнять какие-либо работы. Надо сказать, что здесь явное воздействие норм шариата, кстати, вообще гораздо более влиятельных в Дагестане по сравнению с центральными и западными районами Северного Кавказа.

В некоторых обществах Северного Кавказа существуют запреты, которые получают юридическую санкцию в специальных постановлениях общинных сходов. Так, в постановлении схода жителей селения Хуштада (Южный Дагестан) от 23 марта 1904 г. есть такие пункты: «С того, кто собрал хоть часть винограда до разрешения сельского общества, штраф — рубль.

С того, кто собрал фрукты или зерно до подобного разрешения, — полтинник».

Подобные запреты для современного европейского мышления не вполне понятны, ибо современный европеец склонен усматривать в них либо проявление логики защиты юридических прав, либо проявление логики защиты экономических интересов. Однако, ни того, ни другого в чистом виде здесь без натяжки обнаружить нельзя. В данном случае речь может идти об особой этике соблюдения «космического» порядка. «Космос» традиционного сознания включает в себя общину, все природные объекты, так или иначе связанные с ней (поля, пустоши, сенокосы, сады, леса и пр.), животных (диких и домашних), семейные коллективы, отдельных людей и, что в данном случае особенно важно, время с его циклами, выражающими «священную» последовательность всего происходящего — «космические» ритмы. В этом, безусловно, присутствует экологическая направленность общинной традиции, но и не только она. Приведенные примеры отражают нормы должного поведения, причем, нормы поведения по отношению к неодушевленным предметам и существам — это, в каком-то смысле, тоже этикет. От соблюдения этих норм не освобождают даже всеми признанные права собственности. Подтверждением этому может слу-

жить еще одно положение процитированного документа: «С того, кто довел свою лошадь (выделено авт.) до горячки (заморил), пеня полмеры, если у него есть другие лошади. Если же их нет, то полмеры с заключением обвиняемого в тюрьму на три дня и ночи».

У ряда народов региона (абазин, кабардинцев, черкесов, ингушей, чеченцев, балкарцев) «запретные», «святые», «почитаемые» дни имеют фамильный характер, то есть соблюдаются членами определенных генеалогических коллективов (патронимий, тухумов, больших семей).

Такие фамильные «запретные» дни имеют разное мифологическое обоснование либо связываются с каким-либо печальным событием (гибель родственника от молнии и т. п.). Все они связаны с набором запретов на определенные поступки, что делает эту тему существенной для понимания локальных систем этикетных норм.

У абазин «запретные» дни именуются «*мшражв*», что означает «святой» или почитаемый день. У каждой фамилии таковым был один, реже два–три дня в неделю».

Наиболее распространенными поведенческими предписаниями в день «*мшражв*» были запреты на сельскохозяйственные работы, обработку шерсти, уборку дома, стирку, побелку, расчесывание волос, бритье у мужчин, притрагиваться к мылу, выметание сора из дома, одалживание чего-нибудь чужим, особенно огня из своего очага, забивание скота и птицы.

«Запретные» дни нередко сказываются на внешнем облике людей — в некоторых фамилиях в такие дни все одеваются особенно нарядно, есть данные, что для мужчин в отдельных фамилиях изготавливались особые головные уборы из овечьей шерсти, призванные магическим образом освободить их от тягостных запретов».

Известны случаи, когда элементы мифа, связанного с «запретными» днями, диктовали определенную поведенческую реакцию. Так, в абазинском ауле Кубин у одного из родов покровителем считалась змея, и поэтому, когда в разговоре упоминалось ее имя, то все женщины, принадлежащие к этому роду, обязаны были вставать в знак выражения почтительного отношения к ней.

Нарушение запретов и других поведенческих предписаний обычно связывается с плохими последствиями для нарушителей (болезнь, неудачи и т. д.), но имеют они и этикетный смысл — нарушение воспринимается как проявление невоспитанности, дурного тона, а порой и вызова общественному мнению.

Жизнь общества с неизбежностью чревата конфликтными ситуациями. Конфликт, таким образом — нормальное явление, в отношении которого общество вырабатывает определенные правила поведения, в том числе и этикетного. Конфликты бывают разными — от крупномасштабных войн, столь частых на Кавказе, до стычек между односельчанами и родственниками, что также случается нередко. Их обилие в прошлом придали всей жизни северокавказских народов некий военизированный характер, кото-

рый, конечно же, отразился на этикете, придав ему много черт рыцарского кодекса. Вот как сами адыги склонны передавать его сущность: «Уорк хаб-зэ» предусматривал храбрость, красноречие, щедрость и гостеприимство, уважение к старшим и скромность, стойкое перенесение страданий и галантное обращение к женщинам, отличное владение всеми видами оружия и соблюдение условий рыцарского поединка... По-прежнему считается совершенно несовместимыми с достоинством мужчины разговоры с малейшим намеком на хвастовство, отсутствие самообладания...».

Военизированный характер традиционного образа жизни народов Северного Кавказа породил немало специфических особенностей этикета, которые проявлялись как во время военных операций, так и в мирное время. Особое состояние военных сборов в *кошах* или в военном походе, которые были столь привычными для кавказцев, вызывало к жизни и особые отношения между людьми, зачастую противоречащие стандартам повседневности. Эти особые отношения очень часто формировались и закреплялись специальными церемониями клятвы. Вот пример подобной церемонии, принятой у осетин (стилистика исторического документа сохранена): «Двое или же куар («группа») ровесников вместе когда встречаются для какого-нибудь общего дела: скажем в бою, на поле войны, или вообще далекой чужой стране в тяжелом деле, или же в набеге... с друг другом чтобы связались... чтобы подтвердить, без друга поддержки или дальше жить нельзя, тогда друг другу крепкое слово дают, верности слово дают. Своим таким словом друг друга, будучи из разных фамилий, называют братьями — огнеприсяжными ровесниками (*эрхорд эмгэрттэ*)... Группа, раньше на котором пестром шесте свое оружие, боя инструмент военным положением прислонила, и вокруг которого огнеприсягания пестрого шеста стоит, согласно старшинству, по нему свои руки проводят, шепотом говоря: клятву даю, моих ровесников не продам, моего раненого ровесника вынесу из-под досягания врага, его тело к его смертной земле доставлю. Ровесники на своего старшего слово говорят — *оммен*, из-под пестрого шеста берут свои инструменты (оружие), друг друга за руки берут, и сжавшись говорят друг другу: будем братьями и друг друга защитим как одно потомство (букв. — дети одних родителей)... Огнеприсяжные ровесники таким образом становятся едины, принимают одну веру (ум), одно сердце».

У адыгов постоянная воинская готовность поддерживалась институтом, получившим обобщенное название «наездничества». Очень точно отразил суть этого явления адыгский писатель Хан-Гирей: «весна и осень два времени в году, которые можно назвать у черкесов наездническими. Тогда князя, собрав партии молодых дворян, выезжают, как они говорят, в поле и, избрав удобное место, располагаются в шалашах... Здесь каждому из них открываются занятия, исправляемые ими с полным удовольствием. Служители и молодежь разъезжают по ночам в аулы за добычей, захватывают и пригоняют быков и баранов для пищи, что иногда, смотря по удобности, делают и днем, посылая в близлежащие аулы за провизией, которую

нельзя приобретать молодечеством, как-то: за пшеном, молоком, сыром и проч. Между тем, лучшие наездники отправляются в дальние племена. Там угоняют они табуны лошадей, захватывают людей и с добычей возвращаются к своим товарищам, которые, всякую ночь, пируя на счет оплошных жителей окрестных аулов, с нетерпением ждут возвращения наездников. В то же время князь, предводитель партии, отправляет от себя своих узденей к князю другого племени, своему приятелю, и к другим князьям и принимает лично дары... В таких разбойнических, но воинственных упражнениях проводят осень почти до наступления зимы, а весну до сильных жаров лета. Если такого рода ловля бывает удачна, то во все время пребывания в поле, можно сказать без умолку, черкесы поют песни, и веселье клики оглашают воздух, а стрельба, знак удачи в наездах, сопровождает радость, и эхо лесов далеко вторит знаменами торжества».

Подобный образ жизни породил особый идеал настоящего мужчины — *джигита*. Об этом адыгейский писатель Каламбий (Кешев) писал: «Быть или не быть порядочным наездником, т. е. героем, было для всякого свободного адиге равнозначно вопросу о жизни и смерти. Можно сказать, что адыгское дворянство не знало иных целей и стремлений в жизни, кроме наезднических подвигов, и слава героя была заманчивее для него всех мирских благ».

Хотя слава *джигита* выступала для мужчин серьезным стимулом проведения военных операций, добыча была не менее важной целью нападений на соседние народы. По всему Северному Кавказу издавна сложилась практика организации грабительских ватаг («шаек», как их именуют многочисленные исторические источники). Можно даже говорить об особой северокавказской культуре военного промысла. Объясняется ее распространение не какой-то особой агрессивностью народов региона, а древними традициями военной демократии и скудостью жизненных ресурсов многих местностей, в которых военная добыча (скот, зерно, пленные и др.) составляла порой существенную часть жизнеобеспечивающего продукта. Поэтому ориентация мужской части населения всего народа, а не только дворянства, на «военный промысел» стала как бы обязательной.

Идеальный вариант жизненного пути осетинского мужчины в прошлом было совершение, как минимум, трех военных походов — в первый он должен отправиться на третий день после своей женитьбы и провести в нем не менее года, второй должен длиться не менее трех лет и третий — не менее семи лет.

Поведенческая культура военных сообществ у северокавказских народов имеет ряд общих черт. В большинстве случаев военные отряды, собирающиеся с целью грабежа, формировались на добровольной основе. Глава отряда избирается на общем собрании и, чаще всего, это происходит за пределами селения в особо устраиваемых лагерях. Критерии, на основании которых избирается предводитель, варьируются в зависимости от характера общественного устройства. В так называемых «вольных обществах» им может стать любой опытный воин, успешно проведший несколько набегов

и показавший на деле свое мужество, хладнокровие, военную хитрость, а также благородство, щедрость и др. качества. В аристократических обществах преимущество при избрании оказывалось князьям и дворянам, но и здесь причиной избрания того или иного князя служило не столько его благородное происхождение, сколько те личные качества, которые были отмечены выше. Нередко члены «вольных обществ» вступали в отряды, собираемые князьями, а князья и дворяне примыкали к «вольным» дружинам.

Предводителю отряда в военном лагере и в походе беспрекословно подчиняться были обязаны все без исключения, невзирая на титулы и ранги. Невыполнение приказа и своеволие в идеале каралось смертью.

Готовясь в поход, воин должен был обзавестись экипировкой, каждая деталь которой строго определялась традицией. Оружие и конь должны были соответствовать неким стандартам. У каждого должен быть запас продовольствия, который он должен был нести на себе — от этого не избавлялся, опять таки, невзирая на титулы, никто, кроме предводителя.

Весь отряд, особенно, если он велик, как правило, делится на группы — авангард, «группа захвата добычи», арьергард, а также вспомогательные группы «водонос», «дровосеков», «кашеваров», образующие резерв, которые в бой вступают только в случае неблагоприятного развития событий.

Примечательной этикетной деталью жизненного уклада в походе является категорический запрет есть в одиночку пищу из личного запаса. Существует обычай ежедневного сбора кашеваром фиксированного количества продуктов с каждого участника похода. Из этих продуктов готовится общая трапеза, проводимая по правилам кавказского застолья.

Добыча, захваченная в побеге, делится между всеми участниками, причем, предводитель получает лучшую и большую долю.

Грабительские ватаги собираются на время, но военное братство, закрепленное клятвой, остается на всю жизнь. У многих народов Северного Кавказа соратники («ровесники») считаются даже более близкими, чем родственники. Поведенческая модель отношений между «ровесниками» отличалась такими особенностями, как обязательная взаимовыручка, вплоть до участия в кровомщении, взаимная щедрость, обязательное участие во всех жизненно важных делах друг друга.

К. Ф. Сталь свидетельствует, что у адыгов боевые друзья ничего друг для друга не жалеют и склонны, порой, раздавать почти все свое имущество. Тот, кто это делает, повышает свою славу и получает особый престиж в глазах народа. Когда же такой воин состарится «...он, наконец, перестает хищничать. Тогда он посылает по знакомым, чтобы ему подарили что-нибудь на обзаведение. Все его друзья, которые получали от него подарки, обязаны ему прислать на обзаведение лошадей, баранов, быков и прочего». У осетин соратники покойного принимают активное участие в расходах на его похороны наряду с родственниками.

Военные элементы пронизывают культуру северокавказских народов. Они, что называется, бросаются в глаза: мужской костюм представляет

собой идеальное одеяние воина-всадника, так называемые *газыри*, украшающие и по сей день традиционную верхнюю одежду (черкеску) — это не что иное, как рудимент патронташа относительно недавнего прошлого, который утратил свое боевое назначение лишь в конце XIX в. после появления магазинного нарезного огнестрельного оружия; богато украшенное холодное оружие (кинжал) — неременный атрибут национального мужского костюма любого из народов региона.

В прошлом существовали и другие внешние войсковые атрибуты. Так, у адыгов признаком славного *джигита* был своеобразный «хохол» — *акэ* на темени выбритой головы. С этим элементом связано множество поведенческих установок, в частности, воин, который по старости или из-за болезни уже не может делами подтвердить статус *джигита*, устраивает обряд *акэ упсыж* — «бритье хохла». После этого обряда существенно изменяются стиль его поведения и образ жизни. Он оставляет военное ремесло, ему уже неприлично участвовать в делах «рыцарской состязательности». Он переходит в иную социально-возрастную категорию, дающую ему право на участие в совете старейшин и на почетное место в народном собрании.

Было бы, однако, неправильным абсолютизировать воинственность северокавказских народов, ибо, как и в любом обществе, у народов этого региона «культуре войны» противостоит «культура мира». В поведенческом плане эта оппозиция выражается в противостоянии идеалов и жизненных установок «воинственных» институтов мужских союзов, наездничества с одной стороны и «мирных» институтов народного собрания, совета старейшин — с другой. Наблюдатели не раз отмечали на народных собраниях ожесточенную борьбу между военными предводителями, лидерами мужских союзов и советом старейшин по поводу вопросов, связанных с военными действиями. Не случайно по обычаям многих народов Северного Кавказа грабительские походы — это не общественное, а личное дело тех, кто в них участвует. Поэтому собираются разбойничьи ватаги, как правило, за пределами селений и, зачастую, в обстановке тайны. Официальные общественные институты крайне редко получают долю военной добычи, а участие в походах должностных лиц общинного совета считается неприличным. В свою очередь активно действующий *джигит* практически никогда не избирается в совет старейшин, каким бы авторитетом он не обладал. Более того, в общественном сознании отношение к знаменитым воинам часто отмечалось парадоксальной двойственностью. С одной стороны ими восхищались, о них при жизни слагались легенды и к их слову было принято прислушиваться. С другой же стороны, они вызывали опасение и недоверие, так как своими героическими деяниями навлекали на соотечественников опасности со стороны объектов их героических наездов. Опасались также и чрезмерного военного и экономического усиления таких героев, ибо оно грозило демократическим традициям общинного уклада, полным выходом воинственных *джигитов* из-под власти обычая, на страже которого стояли народное собрание и совет старейшин.

Особенно ярко подобное отношение к знаменитым воинам проявляется в Чечне. Известны случаи преднамеренного убийства чрезмерно возвысившихся *джигитов* своими же. О стойкости такого отношения к героям в чеченской традиции свидетельствуют сюжеты народных преданий об изгнании своих князей: «...Если кто-нибудь из нашей среды желает возвышаться и заделаться князем, находится всегда человек, который убивает его».

Важную роль в жизни народов Северного Кавказа играли мужские объединения, существовавшие параллельно сообществу мужчин, собирающихся на *ныхасе*, *годекане*, *корте* и т. п. и совету старейшин. Ю. Ю. Карпов, специально изучавший эту тему, усматривает генетическую связь многообразных мужских корпораций Кавказа с хорошо известными этнологии мужскими союзами доклассовых обществ. Такое сопоставление, на наш взгляд, в целом оправдано, и поэтому можно условно именовать разные мужские объединения региона «мужскими союзами».

В южном Дагестане существуют легенды о содружествах богатырей *батирте* и *чабкундже-баханте* (*чабкунцы*), которые в далеком прошлом совершали подвиги, защищая родину от врагов. Наследниками дела древних богатырей народное сознание воспринимает мужские корпорации нового времени, которые в этом районе именуются *бахтачиярами*. Это члены военизированных группировок, осуществляющих так называемую *пахту* — взимание повинностей с зависимых селений. Институт этот изучен в Ахте, Рутуле и др. местностях. В Дагестане давно известны и союзы холостяков, управляемые особым органом *чине* и сконцентрированные вокруг особых домов — *чинал-хали*. У цезских народов существовали такие мужские корпорации, как *сидар-бахру* («собравшиеся вместе») и *зеракор-бахру* («совместно пьющие зеру - местную разновидность хмельного напитка *бузы*»), представляющие собой, в сущности, спортивные клубы. У цезских народов, а также у хваршин и аварцев Ункратля известен институт под названием *кор* (так называется общественная печь для выпечки хлеба). На западе региона у адыгов, балкарцев, карачаевцев и др. важную роль в жизни играют так называемые *коши*, временные лагеря, собирающиеся за пределами селений с разными целями — военные операции, разбой, пахота, сенокос, охрана и выпас скота и т. п. Хоть эти лагеря считаются временными, их участники связаны стабильными корпоративными отношениями.

Мужские союзы, при всем разнообразии типов, обладают некоторыми общими чертами, среди которых можно назвать демонстративное молодечество, оппозиционность к остальным членам общества, воинственность и агрессивность (часто ритуальная). В рамках мужских союзов существуют особые правила, регулирующие поведение и общение как членов корпораций друг с другом, так и с посторонними.

Возрастные рамки членства в мужских союзах в большинстве случаев являются 15–45 лет. Вступление в союзы сопровождается особыми обрядами инициации и нередко денежными и иными материальными взносами. Этикетные особенности этих явлений можно проиллюстрировать опи-

санием обряда посвящения в мужскую корпорацию у лакцев, связанного с ежегодными семидневными сборами мужчин *чартту-батин* («собирать камни»). «Посвящение» начиналось задолго до сборов и проходило несколько этапов. Для начала иницируемый на некоторое время, неделю и больше, выделялся внешне: он ходил с пятном сажи на лбу, в вывернутой наизнанку папахе, и с крупным камешком за щекой и т. д. Затем в течение 15–20 дней ему запрещалось употреблять те или иные виды пищи: сушеное мясо, колбасу, толокно, яйца, сыр и др., в число последних не мог входить хлеб и мучные изделия. За неделю до начала сборов иницируемому предписывалось воздерживаться от разговоров с молодыми замужними или бывшими замужем женщинами (родные сестры, а для женатых мужчин и собственные жены, составляли исключение). В первые три–четыре дня сборов он должен был довольствоваться худшей по сравнению с полноправными членами пищей, оказывать им разнообразные услуги — подавать еду и питье, мыть посуду и т. п. В эти же дни он не имел права на равных с остальными участвовать в общих беседах, шутить, петь, танцевать, говорил, лишь, когда к нему обращались, и при этом отвечал односложно — «да» и «нет». Молодой человек, достойно прошедший через все испытания, на оставшиеся дни сборов становился не только равноправным членом сообщества посвященных, но и приближенным лицом главы — ведущего сборов (*хумама*). Само вступление в мужские союзы формально было добровольным, но молодой человек, не желающий вступать в некоторые из них, воспринимался окружающими как совершающий непристойность.

Одной из главных задач мужских союзов была подготовка к военным действиям, для чего в большинстве из них особое внимание уделялось физической культуре и особым ритуалам, как бы имитирующим военные операции. Члены молодежных мужских союзов получали временами особый статус в системе традиционного этикета, так как обществом неявно санкционировались такие поступки «волчат», которые формально были не просто нарушением этикета, но и преступлениями. Так, по материалам А. Г. Булатовой в Дагестане члены мужских союзов в полуигровой форме похищали состоятельных одноаульцев с целью получения выкупа, устраивали засады на дорогах и облагали путников самочинными пошлинами, бытовала у них и довольно дорогостоящая забава — они приглашали к себе в дом (*чинал-хали*) кого-нибудь из богачей, намекая ему, чтобы он прихватил с собой быка в качестве подарка. Отказываться от такого «приглашения» было не только не принято, но и опасно.

У гидатлинских аварцев бытовало такое проявление молодечества, как игра *чадкинкат*, в ходе которой трое членов мужского союза *чадкин* отпоявлялись ночью в какой-либо из домов аула и похищали из него ценное имущество. В случае удачи хозяин бывал вынужден его выкупать, а если он давал отпор «грабителям», его освобождали от обязательного ежемесячного взноса в пользу союза.

Нередко в таких опасных играх, являющих собой примеры антиэтикетного поведения, члены мужских союзов, отправляясь на грабеж, надевали маски. В частности, по свидетельству Р. М. Магомедова молодые мужчины из даргинского аула Урари, «организуя нападение на соседей в ночное время... надевали на себя маски, изображающие собак и других зверей».

Военизированный быт породил даже особые формы коммуникации — тайные языки, на которых общались мужчины во время военных операций, грабительских набегов и охотничьих экспедиций. У адыгов наличие таких языков было зафиксировано еще в XV в. Ян Потоцкий в конце XVIII в. записал несколько слов одного из них, называемого черкесами «*шакобза*». Память о некоторых таких языках (*фарсыбза*, *фыбзз*, *фэрыщыбзз*) до сих пор жива на Западном Кавказе.

О причинах и характере бытования тайных языков Ян Потоцкий писал следующее: «В первые дни сентября каждый черкесский князь покидает свой дом, удаляется в горы или в лес, где строит шалаш из ветвей деревьев. Его сопровождают преданные ему дворяне, но никто из его семьи не смеет приблизиться к шалашу, будь даже это его брат. Здесь все присутствующие пребывают замаскированными, т. е. они закрывают лицо и совершенно не говорят по-черкесски; все разговоры ведутся на некоем жаргоне, который они именуют «*шакобза*». Там же собираются тайные дружины князя, которые вместе с ним принимали участие в кражах и грабежах; среди них могут оказаться представители других народностей — мисджегов, осетин и т. д.; они являются также замаскированными, по той причине, что они могут встретить людей, с которыми они находятся в состоянии кровной мести и которые могли бы их убивать. Только князь знает их всех, и он находится в центре всех тайн. Этот маскарад продолжается шесть недель, в течение которых маленькие банды в масках собираются для грабежей в округе, и, поскольку все настороже, дело не обходится без убитых и раненых, в том числе князей, потому что они не раскрывают себя, а в противоположном случае их щадили бы».

Как видно из приведенного и иных свидетельств, тайные языки служат средством временной отмены обычных социальных порядков, определяемых отношениями родства, социальных рангов, этнических связей и, соответственно этикетных норм. Таким образом, общение на тайных языках — это антиэтикет, призванный выявить и подчеркнуть то, что в обычной жизни является запретным, но в условиях войны необходимым. Таким «запретным» является игнорирование законов родства, общение с кровным врагом, посягание на священную жизнь князя.

Века постоянных войн отразились на социальной психологии северокавказских народов, породив особый тип мужского характера, который во многом проявляется и в наши дни. Этот характер ориентирован на власть, стремление заслужить славу лихого наездника, храброго воина, выносливого, равнодушного к комфорту человека. Эти устремления выражаются часто в нарочитых подвигах, совершаемых из удальства, чтобы просла-

виться, побороть страх перед смертью, в ревнивом отношении к успехам и славе других, приводящем к взаимной розни, стычкам даже среди соседей и родственников.

Можно говорить об особом северокавказском институте «соревновательности», поскольку отмеченное стремление превзойти в мужественности и лихости окружающих нельзя назвать простой драчливостью (хотя и она, несомненно, имела и имеет место). Соревновательность регулируется определенными этическими и этикетными нормами. Среди чеченцев бытует серия этических категорий, являющихся нравственными ориентирами в бесконечном процессе такой соревновательности.

Среди них ведущим является понятие «яхь» — «определяющее систему, этический народный кодекс соревнования в благородстве, чести, стыде и совести... Не имеющий «яхь» не может считать себя полноценным мужчиной. «Яхь йолу кантий» — («мужчины, имеющие «яхь»» — авт.) — это те мужчины, которые никогда и ни перед кем не дрогнут». Соответствие яхь — это не просто соблюдение норм обычая, нравственности и этикета, это стремление их превзойти так, чтобы при этом не выглядеть хвастуном, наглецом и не нанести никому незаслуженной обиды.

К примеру, в прошлом, удалец, совершивший дерзкий набег и, рискуя жизнью, захвативший богатую добычу, мог поделить ее по нормам обычая и взять себе львиную долю. Но, если он ориентирован на яхь, он останется в рваном бешмете, но устроит пир на всю округу, повысив свой авторитет и то, что на языке этических категорий называется «сий» (честь). Соответствием яхь является и нарочитая игра со смертью, и противодействие заведомо превосходящим силам.

В условиях действия таких принципов поведения неизбежными бывали и бывают сейчас трагические последствия — убийства, увечья. Подобные случаи на Северном Кавказе регулируются различными обычаями и законами шариата, но наиболее жестоким был в прошлом институт кровной мести. Он был распространен у всех народов Северного Кавказа, но в наибольшей степени у чеченцев, ингушей и осетин.

Причинами кровомщения, кроме убийства, были нарушение брачного обещания, похищение людей, супружеское прелюбодеяние, осквернение домашнего очага и др. По нормам адата месть должна быть эквивалентной, но в действительности потерпевшая сторона (родственники убитого или оскорбленного) часто стремилась воздать сторицей, что вело к бесконечной цепи взаимных убийств, т. к. срока давности кровная месть не имеет.

Родственники потерпевшего и виновника должны соблюдать определенные правила поведения по отношению друг к другу. Эти правила нередко именуют «этикетом кровников». Они во многом напоминают обычаи избегания.

«В соответствии с этими правилами, — пишет об адыгах И. Бабич, — после совершения какого-либо серьезного деяния, главным образом убийства, виновный вместе с семьей должен был переселиться в другое селение

на временное жительство. В своем селении они могли вновь появиться после окончания судебного процесса. Если процесс затягивался, то они могли вернуться в селение через месяц. После их возвращения виновный и его семья, с одной стороны, и родственники потерпевшего, с другой, давали сельскому старшине расписки о том, что они будут, во-первых, избегать случайных встреч с друг другом в мечети и других общественных местах, во-вторых, виновная сторона будет во всем давать первенство семье потерпевшего, в-третьих, виновная сторона не будет появляться там, где уже находились родственники потерпевшего. Особенно строго данное правило следовало соблюдать при посещении службы в мечети. Если в селении было две мечети, то кровникам предлагалось посещать разные мечети, если одна — то входить в нее и выходить из нее с разных сторон».

У чеченцев и ингушей существовал обычай *никъ бийхка ба* («закрытие дороги»), по которому, согласно договоренности, родственники виновного могли безопасно для себя пользоваться какой-либо одной дорогой, если же представители потерпевшей стороны встречали их на другой, то имели право осуществлять кровную месть.

Опустошительные последствия кровной мести привели к выработке ряда способов прекращения этого бедствия. Примирение кровников приобрело характер довольно сложных обрядов, в которых важны этикетные элементы.

Примирение иногда достигалось довольно сложно — сторона убийцы как бы принуждала к примирению пострадавшую сторону довольно жестоким способом. Она похищала ребенка у ближайших родственников убитого и воспитывала его как *аталыка* (аталычество — весьма развитый вид искусственного родства на Кавказе). Через несколько лет возвращала его родителям с положенными в таких случаях подарками. Отныне между враждующими семьями устанавливалось не просто примирение, но и узы искусственного родства, которое по обычному праву считается более священным, чем природное родство. Другой способ примирения кровников — отдача за кровь мальчика в сыновья семье убитого или девочки в качестве невесты. Подобные случаи зафиксированы уже в Советское время в Осетии.

На Западном Кавказе и в Дагестане кровная месть уже в XIX в. была несчастным явлением. Мщение здесь все больше заменялось материальным возмещением за кровь, что нередко воспринималось как деяние, более отвечающее нормам шариата. Примирение совершали почетные старики по определенному ритуалу, с уплатой виновной стороной «цены крови» (у ингушей она достигала 130 коров и более, собираемых широким кругом родственников) и устройством так называемого «кровного стола» — угощения для большого числа людей.

Чеченцы в большинстве своем отвергали примирение посредством выплаты «цены крови», что считали большим позором. «Мы не торгуем кровью убитого» — нередко можно было услышать в Чечне. Вопрос об убийстве, тем не менее, у чеченцев отнюдь не был частным делом близких родственников убитого и, тем более, не сводился к стихийному умерщвлению

виновного. «При убийстве какого-либо из членов тайповой общины тут же собирался совет старейшин тайпа погибшего, и в котором принимали активное участие и близкие родственники последнего. Установив подробное обстоятельство и причины убийства, совет старейшин принимал решение об отмщении за убитого.

Тайп преступника также собирал свой совет старейшин, который искал способы и средства для достижения примирения с тайпом убитого. Если противоположные стороны не могли прийти к соглашению, то для разрешения разногласий привлекались представители нейтральных тайпов. Таким образом, собирался уже совет племени, который с учетом обеих сторон вырабатывал условия примирения.

После принятия условий примирения дело заканчивалось. В случае же отказа примириться пострадавшая сторона выбирала, кого она намерена убить, как правило, выбирали убийцу (*куьг бехкидерг* — у кого виновная рука). Против такого выбора тайп убийцы не имел права возражать. Убийством этого виновника или изгнанием его вместе со всей его семьей из селения обычно заканчивалась кровная месть».

Была ли принята выплата «цены крови» или не была, обряд примирения всегда совершался в случае доброй воли сторон. Вот описание одного из них, состоявшегося у кумыков в XIX в.: «*Канлы* (убийца или другой ответчик по кровной мести) до своего примирения с родственниками убитого не должен был ни брить, ни стричь волос. Перед отправлением на примирение родственники *канлы*, объявив о своем намерении, старались собрать к себе возможно больше народу для того, чтобы шествовать на примирение. Среди этого народа должен был находиться князь... вся сторона *канлы* шествовала в таком порядке: впереди шли *кади*, *муллы*, *хаджи*, старики с князем, за ними весь собравшийся посторонний народ, за ними родственники по отцовской линии, дяди по матери, племянники по сестре, внуки по дочери. Сзади них сам *канлы*. Впереди *канлы* вели оседланную лошадь с накинутым на седле панцирем. На передней луке висело ружье с дулом, направленным назад. Прежде чем дойти до *тазията* (траурное сидение мужчин на подворье убитого), *канлы* с родственниками, вышедшие из дома, непопоясанные и без оружия, снимали свои папахи. Тогда *кади* в сопровождении князя и почетных людей входил на *тазият* и, после своего *салама* (приветствие — авт.) и прочтения молитвы, произносил проповедь о прощении. Прибывшие за *кадием* князь и народ просили: «Во имя бога простите!». Если старейший из родни убитого скажет: — «Нет, не прощаю», то все прибывшие посторонние снимали папахи, а если и тогда получали отрицательный ответ, то все они становились на колени. Все то же проделывали родственники убийцы, стоя поодаль. Наконец, добивались утвердительного ответа. После этого во двор *тазията* вводили лошадь, а за нею *канлы* с родственниками. По получении лошади старейший родственник убитого дарил ее князю, а последний возвращал ее прежнему хозяину, у которого она была взята родственниками *канлы*. Потом водили *канлы* ми-

мо ряда стоящих на *тазияте* родственников убитого, и он перед каждым из них падал ниц, прося о прощении; после того как каждый стоявший на *тазияте* из родственников произносил: «Живи, вставай, прощаем», — канлы водили к сидящим... женщинам. После того, как канлы там проделывал то же самое, что перед мужчинами, его выводили во двор и все присутствующие произносили: «До свидания, да даст бог согласие» — и, уводя с собой канлы и родственников, уходили по домам. Через три дня сторона убитого звала к себе канлы и, оказав ему все признаки уважения и ласки, объявляла его своим... кровным родственником. После этого сажали его на пороге двери и, срезав ему несколько волосков с головы, говорили: «Иди, живи, сбрей волосы»».

Этикет гостеприимства

■ Этикет гостеприимства можно назвать квинтэссенцией всей культуры поведения народов Северного Кавказа. В этом блоке этикетных норм как в капле воды отражаются многие черты жизни кавказцев. Обычай гостеприимства на Северном Кавказе играет важную роль в системе межличностных, межгрупповых и международных связей. В прошлом, при отсутствии устойчивых государственных институтов, этот обычай выступал гарантией безопасности путешественников и торговцев, т. к. гость для принимающего его хозяина — священная персона, за которую он отвечал головой и обязан был сопровождать до следующего места гостевания, передавая «с рук на руки» другому хозяину. Весь Северный Кавказ для каждого сколько-нибудь значимого человека представлял собой сеть кунацких связей взаимной ответственности.

По материалам И. Бабич у кабардинцев до начала XX в. существовала иерархическая типология приема гостей, которая отражала степени пышности и сложности церемониала гостеприимства: (1) прием «большого гостя» (*хэщэ щхуэ*), (2) прием «дорогого гостя» (*хэщэ лалэ*), (3) прием «важного гостя» (*хэщэ дыдэ*) и (4) прием «гостя» (*хэщэ*). «К «большим гостям» кабардинцы причисляли 1) «дальних гостей», приехавших специально погостить, 2) путешественников-иностранцев, 3) гостей, хотя и из соседних селений, но из известных фамилий, 4) гостей, приезжающих очень редко и имеющих репутацию «почитаемых» людей, 5) «должностных лиц», пользующихся уважением: эфенди, старшин и др.». Прием «большого гостя» требовал неукоснительного соблюдения всех норм этикета гостеприимства, причем, с максимально возможной пышностью.

Прием «дорогого гостя», которым относились близкие родственники супругов из других селений, а также кунаки хозяина, не требовал церемониальной помпезности, характерной для приема «большого гостя», но отличался большей теплотой и душевностью. Такой гость мог жить в принимающем его доме сколько угодно. Нередко для этой категории гостей со-

оружали специальное помещение поближе к дому хозяина либо селили его непосредственно в одном из помещений этого дома.

«Важными гостями» кабардинцы считали близких родственников из своего селения, деловых партнеров хозяина. Их прием был упрощен — их угощали не специально приготовленными блюдами, а тем, что было в доме. Танцев и торжественных бесед не устраивали. Значительные подарки им не дарились. Для этой категории гостей оставаться в доме более чем на три дня, было неприлично.

Просто «гостями» у кабардинцев считались дальние родственники из своего селения, «гости-преступники» и «гости-враги». Прием этой категории гостей был прост — им предоставлялось место за столом при обыденной трапезе хозяина и, если была нужда, ночлег. На такой прием, по обычаю, мог претендовать даже личный враг хозяина и тот не мог ему в этом отказать. Более того, он не имел возможности выдать правосудию разыскиваемого преступника, за исключением тех, кто украл чью-либо официальную невесту или жену, либо убил своих родителей.

Каждая усадьба имела в своем составе т. н. *кунацкую* (помещение или отдельный дом для гостей-мужчин). *Кунацкая* готова к приему гостя в любое время суток — делом чести считается постоянно поддерживать в ней порядок, иметь неприкосновенный запас лучшей провизии. Гость мог прибыть в любое время и поселиться в *кунацкой*, даже не оповестив хозяина. Если же о предстоящем визите оповещено заранее, то ему устраивали прием по всем правилам этикета.

Эти правила предписывают встречать почетного гостя самому хозяину на дальних подступах к селению и приветствовать строго по этикету. Адыгская формула приветствия: «Да счастливым будет ваше прибытие, добро пожаловать».

Перед входом в дом, все гости обязательно отдают все оружие кроме кинжала. В этом обряде содержится особый смысл — отныне всю ответственность за безопасность прибывших берет на себя хозяин. Почетный гость входит в дом вслед за хозяином и усаживается на почетное место. Входя в дом, необходимо учитывать то, что порог — это один из наиболее почитаемых элементов жилища на Кавказе. «Он изготавливается с особой тщательностью и поддерживается в чистоте. Наступать на порог нельзя, переступить его надо с правой ноги. Нарушение этих этикетных предписаний воспринимается как проявление неуважения к дому и его хозяину».

Гостей обычно разделяют на две группы — старших и младших (по возрасту и рангу) и размещают в разных помещениях, при этом хозяин следит за тем, чтобы в одной группе не оказались отец и сын, младший и старший брат, зять и тесть и т. д. Им нельзя находиться за одним столом.

После рассаживания по этикету надо вести малозначащие вежливые разговоры. Хозяин ни при каких обстоятельствах не может спросить о цели визита. Существует так называемое «правило трех дней», в течение которых гостя нельзя расспрашивать, но после трех дней гость как бы становится членом семьи, обхождение с ним упрощается и можно деликатно

поинтересоваться его планами. Но если гость и в этом случае хранит молчание, настаивать нельзя.

Нельзя оставлять гостя одного, если он сам этого не хочет. Обычно к нему приставляют кого-нибудь из младших членов семьи, который должен выполнять все просьбы гостя и сопровождать его, даже если тот отправляется всего-навсего в уборную. Женская молодежь семьи почитала своим долгом следить за состоянием одежды гостя — каждое утро он находил ее вычищенной и отремонтированной.

В присутствии гостя считалось неприличным разговаривать о посторонних вещах, спорить. Самому же гостю дозволялось многое, даже то, что в иных обстоятельствах не прощалось. В прошлом были известны случаи, когда гость в порыве гнева убил члена семьи хозяина — ему начали мстить только после того, как он покинул пределы его владений.

Не следует думать, что гость всегда обязан выждать три дня для выполнения целей своего визита. Существуют этикетные правила, ускоряющие развитие событий. В Кабарде существуют условные знаки, говорящие о намерениях гостя — если плеть повешена на колышек в кунацкой за ремешок на рукояти, значит, гость спешит и долго оставаться не может; если плеть им повешена углом на соединении рукояти с плетью, то он может остаться надолго.

Существует особый вид гостевания — так называемый «гость с просьбой». Это когда гость приехал для того, чтобы получить от хозяина то, в чем в данный момент очень нуждается — в скоте, деньгах, другом имуществе или в особых услугах, вплоть до содействия в кровной мести. Хозяин был обязан выполнить просьбу, нередко для этого обращаясь к родственникам и соседям. «Стыдным считалось не просить подарки, а не удовлетворить такую просьбу». В таких случаях просивший обязан с течением времени совершить отдар, эквивалентный либо превосходящий по стоимости полученное.

Гость не должен говорить, какие блюда ему хочется есть, а хозяин в свою очередь не должен спрашивать гостя, что тот хотел бы съесть — блюда готовятся по установленным этикетам правилам из самых лучших продуктов и как можно больше и разнообразнее. По этому поводу С. Кокиев писал: «Малейший намек на страдание голода считается высшим бесстыдством, почему человек стоически может переносить голод, не заявляя никогда никому об этом. Хорошо, что обычай отнесся к этому вопросу так разумно, обязав хозяина, со своей стороны, никогда отнюдь не спрашивать гостей, — «хотят ли есть» (это признак величайшей скупости, недостойной человека), а подать все, чем богат, и просить настойчиво гостей откусать».

Гость не должен вмешиваться в семейные дела хозяина, входить в женские помещения, на кухню, даже шутя флиртовать с кем бы то ни было из женщин семьи хозяина и соседей. Положение гостя хорошо отражено в фольклоре — адыгские пословицы гласят: «Гость послушнее овцы», «Гость — пленник хозяина». Гость действительно связан большим количеством этикетных запретов и предписаний: он не мог уехать, не получив разрешения

хозяина, а получив его, не мог покинуть дом, не выполнив определенного минимума этикетных действий, на что требуется порой несколько часов. Он даже не может просто встать из-за стола и выйти на двор без разрешения хозяина.

Считается неприличным для гостя, чтобы то ни было расхваливать в доме хозяина, так как, по традиции, хозяин обязан отдать в дар понравившуюся гостю вещь. Правила хорошего тона, в особенности у чеченцев предписывают гостю деликатно сдерживать расточительность хозяина, который в своем стремлении превзойти норму гостеприимства часто готов забить в ущерб хозяйству вместо барана быка или отдать гостю последнее.

Неприличным считается намекать на желание уйти сразу же после трапезы — обычным иносказательным средством этого служит поглядывание на дверь. Об этом с осуждением говорит чеченская нравоучительная поговорка: «Насытившийся гость смотрел на дверь». Покидающего дом гостя обычай предписывает одаривать, провожать не только до ворот усадьбы, но дальше — до пределов селения или даже района. При этом гостю от подарков отказываться нельзя, но следует деликатно отказываться от дальних проводов. В таких случаях этикет допускает соревнование в учтивости. Хозяин настаивает на проводах, а гость старается их отклонить. Уезжая, гость обязательно приглашает хозяина навестить его.

При следующем посещении селения правила хорошего тона предписывают заехать к тому, у кого гостил раньше. Невыполнение этого предписания равносильно оскорблению. При повторном посещении одного хозяина он и его гость обычно официально становятся *кунаками*, со всеми вытекающими из этого последствиями — они обязаны друг друга поддерживать во всех делах, отвечать друг за друга, иногда вплоть до права кровной мести.

У чеченцев установление куначеских отношений при повторной встрече закреплялось, по обычаю, клятвой о побратимстве. «Принятие такой клятвы сопровождалось разными процедурами, но наиболее популярными считались: выпить молоко из одной чаши, в которую в знак постоянной (нержавеющей) дружбы иногда бросали золото или серебро или серебряные стружки с рукоятки кинжала; обменяться оружием или доспехами и союз закреплялся на всю жизнь».

Этикет застолья

▪ Этикетные нормы, регулирующие поведение во время трапезы, — органичная и важная часть этикета гостеприимства. Застолье на Северном Кавказе бывает двух видов — торжественное и обыденное. Обыденное застолье, собирающее членов семьи, близких родственников и соседей — это в этикетном смысле облегченный вариант, часто проводимый не в куначкой, а в жилом доме или на дворе. Торжественное застолье устраивается по какому-либо важному поводу — приезд почетного гостя, группы гостей издалека, значительное для семьи или селения событие и т. п. Оно со-

бирает большое количество людей и проводится очень серьезно, с соблюдением множества этикетных правил.

Во всех этих правилах центральным или даже священным объектом является стол, выступающий в торжественной трапезе реминисценцией древней жертвенной площадки. Сама процедура трапезы во многом напоминает ритуал жертвоприношения со всеми его функциями — функцией социальной интеграции, функцией установления особых связей между сотрапезниками — связей сакрального родства, функцией очищения и приобщения к главным общественным ценностям.

Своеобразным подтверждением древней связи трапезы с обрядом жертвоприношения могут служить некоторые жесты, принятые у ряда народов Северного Кавказа. Одним из них заключался в том, что «в очаг перед едой бросали лучшие куски пищи с просьбой богам-покровителям дома о ниспослании семье всяческого благополучия». Другой жест, предписанный обычаем, — стряхивание в очаг крошек пищи и, особенно, хлеба после еды. В этом жесте заключено особо почтительное отношение кавказцев к таким святыням, как хлеб и очаг.

Застолье — это процесс, предполагающий очень строгую иерархию участников. Все они, как правило, делятся на две категории — «гостей» и «не гостей», «чужих» и «своих» (у адыгов — *хачэ* и *хагареи*). Гости — это приехавшие издалека, не гости — все родственники хозяина и его ближайшие соседи, а иногда и все жители селения. Все, относящиеся к категории «гостей» пользуются большим почетом, чем «свои», что и определяет их роли в драматургии застолья.

Из числа «своих» старейшин избирается глава стола, который на разных языках называется *«хагарой нэхыж»*, *«Тхэмэдэ»*, *«тамада»*. Это абсолютный властитель — ему подчиняются все, невзирая на возраст и ранг. Он давал сигнал к началу трапезы, прикасаясь к хлебу и провозглашая благопожелания. Без его разрешения никто не мог сесть за стол, вставать из-за него, произносить тосты, петь и т. п. Тамаде противостоял «старший гость», который ритуально как бы занимал более высокий статус.

Из числа «своих» выделялся обслуживающий персонал, полностью подчиняющийся тамаде — кравчий и его помощники, а также «своя» молодежь, чья роль заключалась в прошлом в том, что они стояли у стены за спинами сотрапезников, демонстрируя свое уважение к ним.

Застолье начиналось с приема гостей, которые, подходя к дому первыми, согласно этикету, приветствовали хозяев, обязательно отдавали оружие, входили в дом, обязательно переступая порог правой ногой и до тех пор, пока не пришло время трапезы, беседовали со старшими хозяевами на отвлеченные темы.

Перед трапезой все гости совершают обряд умывания рук: каждому из них юноши сливают из кувшинов, причем по этикету это надо делать правой рукой и так, чтобы струя воды была тонкой, равномерной и прямо по центру таза. Полотенце надо подавать положенным свободно на обе руки,

причем правая должна несколько выдаваться вперед. В прошлом у некоторых народов девушки из семьи хозяина почетным гостям мыли ноги.

Рассаживание за стол происходило следующим образом: почетное место, наиболее удаленное от входа, занимает тамада, далее рассаживаются гости по старшинству, при равенстве возраста и ранга предпочтение оказывается тем, кто прибыл из более отдаленных мест, а из последних тем, кто прибыл из более высокогорных районов. Между гостями в таком же порядке рассаживаются «свои». За одним столом не могут сидеть отец и сын, старший брат и младший и т. д. Чтобы избежать нарушения этого правила устраивают другой стол для младших. Женщинам за один стол с мужчинами раньше категорически запрещалось садиться. У них в женской половине иногда устраивалось свое застолье.

У кумыков адат предписывал вести себя строго определенным образом за трапезой, на которой присутствовал князь — «Когда внесут в кунацкую поднос с едой и хозяин скажет гостям: «Идите сюда», то гости не подходили к еде: они ждали пока князь (хозяин) не позовет по именам тех, кто с ним мог сесть при еде. Когда эти наедались, то поднос с остатками кушаний передавался не участвовавшим при еде с князем гостям, которые до этого времени продолжали стоять. При переносе подноса от князя к ним, они все садились и кушали. Обычно ели, сидя на полу. Никто не мог взять для себя стул, пока ему не принесут».

Северокавказское традиционное застолье несовместимо со ссорами, резкими движениями, громким смехом, опьянением. Здесь нельзя произвольно вставать из-за стола, садиться не на свое место.

Вообще минимальный набор блюд, наличие которых допустимо при приеме гостя, повсюду на Кавказе одинаков — это хмельной напиток (буза, вино или водка), хлеб и сыр. Это указывает на особый ритуальный и соответственно, этикетный статус этих продуктов. Хлеб у всех северокавказских народов «более чем другие виды пищи, окружен ореолом поклонения, с ним связан ряд табуаций, например, его нельзя класть нижней (выпечной) стороной вверх, упавший кусок необходимо поднять с извинением (поцелуем, молитвой) и т. д.».

Впрочем, на западе региона, особенно у адыгов, хлеб в трапезе как бы заменяется *пастой* — круто сваренной просяной или кукурузной кашей. *Паста* везде на Северном Кавказе считается блюдом, достойным торжественной трапезы, но у адыгов, а также у карачаевцев и балкарцев она является престижным блюдом, обязательным элементом приема гостей.

В востоке региона — у народов Дагестана, чеченцев престижным блюдом считается *хинкал* — различные виды «вареного теста без начинки и с начинкой» — подаваемый с всевозможными соусами и приправами. У этих народов *хинкал* — непрменный атрибут веселого мужского застолья, а у адыгов его прилично подавать на поминках.

У осетин большое значение в праздничном застолье придавалось пирогам, среди которых наиболее распространены пироги круглой формы

(уэлибэхтэ). Они готовились с разной начинкой (картофелем, тыквой, свекольными листьями и пр.), но ритуально приподнятое значение при приеме гостя имели пироги с сыром (*хэбизджынтэ*), а подача к столу пирогов с мясом (*фыдджынтэ*) означало стремление хозяев проявить подчеркнутое радушие. Пироги с мясом в прошлом, да и сейчас, практически нигде не выступали повседневной едой, их готовили только в торжественных случаях.

Торжественное застолье не обходится без мяса. Очень важное этикетное значение имеет то, как забивается скот, так как «у мусульман в какой-то степени действовал запрет на употребление в пищу тех видов животных, которые не были прирезаны (у абазин этот обычай назывался «эпсыхъвда лкэым»). Мясо в прошлом на Северном Кавказе практически полностью отсутствовало в повседневном питании, оно воспринималось, как жертвоприношение и поэтому отношение к мясным блюдам в торжественной трапезе окрашено особой ритуальностью. Повсюду в регионе мясные блюда готовили из говядины, баранины и домашней птицы (конина была распространена у ногайцев), но в различных местностях характер и этикетное значение блюд из этих видов мяса варьировались. Так, в Дагестане жаркое из мяса считалось основным торжественным блюдом, а на западе (адыги, карачаевцы, балкарцы) вареному мясу придавался более приподнятый этикетный смысл, здесь же мясо домашней птицы почиталось достойным для любого гостя, чего нельзя сказать о Дагестане.

Особый этикетный смысл имели и части туши скота. Это можно продемонстрировать описанием торжественной трапезы у осетин, вышедшим из-под пера представителя этого народа в XIX в. «На двух–трех первых столах, занятых старшими, подается между прочими кушаньями по целному бараньему корпусу и по одной бараньей голове, служащей символом старшинства и почета, по представлениям нашего народа. Равным образом снабжают кушаньями и другие столы, занятые людьми ужу помоложе и вовсе молодыми. На счет раздачи мяса тут тоже соблюдаются известные правила, освященные народным обычаем: на эти столы уже ставятся не целные бараньи туши и головы, а известные куски или части барана, служащие тоже выражением почета, соответствующего возрасту гостей; шея, например, служа выражением степенности возраста, подается пожилому или, по крайней мере, полустепенному возрасту; лопатка определяется гостям, имеющим около тридцати лет, ребра и прочие части — молодым людям двадцати четырех — пяти лет; уши бараньи отрезаются стариками для малолетних мальчиков».

У всех народов Северного Кавказа принято в торжественном застолье к мясным блюдам, особенно к отварному мясу, подавать соусы. Отсутствие на столе соусов, которых, кстати, существует большое количество разновидностей, — это, безусловно, нарушение этикета застолья. В осетинском торжественном застолье, в частности, «вместе с мясом ставилось на стол чашка с жидкостью — приправой (*цэхдон*) из толченого чеснока, соли, кислого молока. Мясо поедали, макая его в жидкость».

Существует расхожее мнение о том, что кавказское застолье не обходится без шашлыка — жаренного на углях, нанизанного на шампуры мяса. Действительно, такое блюдо известно всем народам региона, но к разряду повседневных оно нигде не относилось в прошлом, не относится и сейчас. Шашлык в торжественных трапезах встречается реже прочих мясных блюд. Там же, где он распространен, чаще всего готовится на мужских пирах — в «кошах» (военных, пастушеских, сенокосных), во время коллективных обрядов жертвоприношений и т. п. Практически всегда шашлык — подчеркнуто ритуальное блюдо. У осетин шашлык (*физонэг*) появлялся в самом начале пира. «Он фигурирует обычно при произнесении первоначального тоста на пиру. Беря шампур с таким шашлыком в левую руку, а бокал в правую, старший произносит особо торжественный тост. После произнесения тоста шампур с шашлыком передается младшим».

Этикет застолья у ногайцев, как, впрочем, и вся их культура, сохранил очень много степных кочевых элементов. В этом смысле ногайцы имеют много общего с калмыками, астраханскими татарами, казахами, башкирами. Главным элементом застолья вообще, а торжественной трапезы в особенности, является чай, который принято называть калмыцким. Он готовится из особого сорта прессованного (кирпичного) чая, в котором, помимо листьев, присутствуют веточки. Приготовление этого чая составляет особый ритуал, правильное исполнение которого составляет часть этикета гостеприимства. Вот его описание, составленное в начале XX в. С. В. Фарфоровским: «Достав из сундука кусочек этого чая, ногайка топором крошит его, между тем как в это время в котле, который стоит посредине кибитки на тагане, нагревается вода; накрошенный чай она бросает в котел и закрывает деревянную крышкой. Пока закипит чай в котле, ногайка толчет черный перец, потом поднимает крышку котла и вскипевший чай процеживает через сплетенный камыш в отдельную деревянную чашку; остатки чая (*чама*) остаются на камыше, а чистая жидкость стекает в посуду. Процеженный чай выливается обратно в котел, куда всыпается толченый перец и вливается молоко: затем все это закрывается крышкой. Насчет молока для калмыцкого чая следует упомянуть, что верблюжье молоко считается лучшим, чем коровье. Так, когда угощают особенно дорогого гостя чаем, то прибавляют, что чай с верблюжьим молоком (*туэ-сут*)... Когда чай готов, то ногайка переливает его из котла в посуду, кладет туда масло, соль (по вкусу), и ковшом с длинной ручкой, охлаждает его... Пока ногайка нальет чай в деревянные ковши, хозяин дома берет рукомыльник с теплою водою, который всегда стоит около огня, и дает мыть руки каждому из гостей. По окончании этой обязательной церемонии хозяйка раздает чай в ковшах, на деревянном подносе вроде скамейки... и разломанный в куски хлеб-пышку. Выпив чай, гости поднимают руки вверх, читают молитву, потом водят руками по лицу и говорят хозяйину: «*Аллах береткет берсын*» т. е. «Бог да вознаградит взамен», а хозяин отвечает: «*Аш-болсун*», т. е. «Пусть будет пищей». Эти выражения со стороны как гостей, так и хозяйина,

высказываются вообще после еды. После еды и благодарственной молитвы хозяин подает воду из того же рукомойника для умывания рук. Все эти церемонии прodelываются с замечательно важным и чинным видом. Присутствуя при церемонии чаепития, мы воображали, что присутствуем при каком-то священнодействии, — так важны были все окружающие нас».

Важным элементом застольного этикета ногайцев, отличающим их от прочих народов Северного Кавказа, является особое место в нем конины. Она считается самым лакомым и почетным блюдом. Из нее готовят колбасу (*казы*), *беш-бармак* и *шашлык*. При приеме почетного гостя считается хорошим тоном и свидетельством особого радушия и щедрости хозяина развешивать *казы* и другие изделия из конины по стенам жилища «чтобы показывать гостям, что они (хозяева — авт.) не пожалели ничего и готовы угостить дорогих гостей на славу».

Блюда, которых в торжественном застолье до нескольких десятков, подавали в определенной очередности — вначале принято подавать лепешки, пирог с сыром, пшеничную или другую кашу с вареным мясом и соусами, на востоке иногда начинают с фруктов, вторая очередь — это обычно ритуальные части животного, жертвованного гостям, чаще всего вареную голову барана; бульон, индейка, курятина, жаркое из говядины или баранины, блюда из яиц, сметаны, сыра.

Обслуживающая молодежь подает блюда по рангам — сначала старшему гостю, затем тамаде и т. д. У адыгов началом трапезы служит обрядовое действие: тамада берет двумя руками хлеб или пирог с сыром, произносит благопожелание, протягивает пирог одному из младших, который, не касаясь его руками, откусывает кусок.

Особенно регламентировано этикетом отношение к голове жертвенного животного. Челюсть обычно на стол не подают — это женская еда. Подают лишь правую часть вареной бараньей головы. Ее ставят перед старшим гостем, который обязан ее учтиво передать старшему из хозяев. Тот приступает к ответственному ритуалу ее дележа между присутствующими. В разных местах это происходит по-разному, но везде сам процесс воспринимается не как дележ пищи, но как своеобразное причащение.

Правила хорошего тона предписывают: нельзя есть жадно и много; нельзя надкусывать куски пищи и перемешивать их; желательно большую часть кусков оставлять нетронутыми, так как в старину у адыгов и других народов они обычно передавались более молодым. Сейчас этого обычая нет, но остался этикетный принцип сдержанности. Нельзя за едой пить воду — это жест, означающий, что человек насытился и больше есть не будет, у него обычно сразу же убирают тарелку.

При необходимости выйти из-за стола надо обратиться с вежливой просьбой к тамаде, а при возвращении исполнить обряд прихода как бы впервые, то есть произнести благопожелание (тост), выпить за присутствующих бокал, дать себя усадить на место кому-нибудь из младших хозяев.

В застолье есть ряд правил, противоречащих общим принципам этикета — здесь не встают при появлении старших и женщин, в особых случаях встают все, кроме тамады. У адыгов об этом есть пословица: «Стол старше». К столу нельзя поворачиваться спиной или боком, класть на него не относящиеся к трапезе предметы.

Как известно, по законам шариата правоверным пить спиртное категорически запрещено, тем не менее, на Северном Кавказе традиции употребления различных спиртных напитков в торжественном застолье настолько укоренились, что даже у народов Дагестана, района наиболее древнего распространения ислама, они имеют широкое бытование и важное этикетное значение. Даже в песне Шамиля, лидера движения мюридизма, особенно ревностно насаждавшего нормы шариата, лично не принимавшего спиртное, есть такие слова:

*Не раз мы покоряли,
Не раз мы молились с друзьями,
Не раз кругом ходили между нами чаши,
Не раз мы пивали из них, вспоминая имя Алаха.*

Чеченский этнограф З. Х.-А. Берсанова утверждает: «Несмотря на то, что по законам шариата мусульмане не должны употреблять спиртные напитки, этот запрет практически игнорируется чеченцами. Более того, все тосты сопровождаются обращениями к Аллаху о ниспослании всевозможных благ».

В старину, до 20-х гг. XX в. спиртные напитки пили вкруговую из особой чаши (от 1,5 до 3 л.) по особому ритуалу: начинал старший гость и передавал соседу справа, сопровождая этот жест особым возгласом, принятым в той или иной местности (например, «Идет твоему наследию добрый путь» в Центральной Кабарде или «Путь добрый» в Малой Кабарде). Так обычно пили бузу — слабо хмельной напиток из проса.

В более позднее время стали пить из отдельных кубков, причем, вино и водка почти повсеместно вытеснили бузу. Количество людей, имеющих право на тост, всегда ограничено. Раньше только два человека произносили благопожелание — тамада и старший гость. Позже количество произносящих тосты увеличилось, появился обычай «кубка прибытия», который наполняли вновь прибывшему, «штрафного кубка», который по приговору тамады должен выпивать нарушитель застольного этикета.

Во всяком случае, напиваться пьяным в северокавказском застолье нельзя — за это вежливо, но твердо выведут из-за стола, а это позор надолго. Здесь раньше, а во многих местах и до сих пор, царил принцип, выраженный у адыгов формулой: «Спиртное пьют по желанию, а не по принуждению». Тот, кто с показной лихостью осушает бокал до дна, всегда будет молчаливо осужден большинством присутствующих. Пить без тостов вообще не полагается.

Завершение застолья производится по нормам этикета. Обычно инициативу проявляет старший из гостей, вслед за чем тамада провозглашает тост в честь гостей. Следующий тост за хозяев и, особенно за тамаду провозглашает старший из гостей, и все поднимают заключительный кубок (у кабар-

динцев — тэджин). В некоторых местностях принято провозглашать еще один заключительный тост уже на дворе — повернувшись лицом к дому, старший из гостей высказывает благопожелание хозяевам и все осушают бокал (он у кабардинцев называется «стремненным») уже в последний раз.

Традиционный этикет в современных условиях

■ Как культурная традиция в целом, так и ее важная составная часть — этноэтикет, всегда находятся в процессе трансформации, реагируя на политические, экономические и социальные изменения в жизни общества. Традиционный этикет народов Северного Кавказа в новейшей истории этого региона в целом сохранился и в общественном сознании и, в общественной практике, но некоторые его элементы утратили былое распространение и значение, а другие приобрели иной смысл.

Поскольку любая этикетная ситуация — это общение людей, обладающих разными статусами (общественными, возрастными, половыми, родственными и т. п.), соответственно которым нормы этикета и предписывают вести себя, постольку исторические изменения, затрагивающие статусную структуру общества, неизбежно приводят и к изменениям этих норм. Реформы, проводимые в Российской империи с 60-х гг. XIX в., коснулись и Северного Кавказа. На культуру общения особенно сильно повлияли отмена крепостной зависимости там, где она существовала, возрастание роли имущественного положения людей, частичная эмансипация женщин и младших членов семейно-родственных коллективов. В конце XIX — начале XX вв. повсеместно падает роль аристократии, которую в системе местного управления стали вытеснять разбогатевшие крестьяне.

И. Бабич, исследовавшая эту проблему, отмечает эту тенденцию у кабардинцев, всегда отличавшихся особым почитанием аристократических титулов. Так, если в первой половине XIX в. в составе Временного Кабардинского суда «из 12 его членов 10 человек были из привилегированных сословий, таким же был состав окружного и участкового судов в 60-х гг. XIX в. К концу же XIX в. на эту должность стали выбирать богатых кабардинцев из простого сословия».

В это же время отмечается падение влияния стариков в системе местного управления, что нашло свое выражение в изменении возрастного состава выборных органов власти. В Кабарде «...к началу XX в. активизируется... более молодая возрастная группа: от 21 до 30 лет. В 1902–1903 гг. 23,3% от общего состава помощников старшин составляли молодые кабардинцы в возрасте до 30 лет (по сравнению с 10,5% в 1883–1884 гг.)».

Нет нужды говорить, что отмеченные процессы получили свое развитие в годы гражданской войны и после нее. Многие представители аристократических фамилий были уничтожены в ходе революции и гражданской войны, эмигрировали с белыми армиями и были репрессированы в 20–

30-х гг. Молодежь, особенно из бедных слоев, получила особую поддержку по причинам, о которых писала в 1922 г. газета «Красная Кабарда»: «Стариков у нас обычно слепо почитают и уважают, кто бы и какие они ни были. А богатых стариков — тем более. Поэтому председатель и секретарь исполкома обязаны слушаться стариков Шахмановых, Шардановых и др. Молодой, будь он в несколько раз умнее и лучше старика, должен молчать... Стариковство в Кабарде — подрыв пути к пролетарскому строительству».

В последующие годы общественная роль стариков снижалась, их управленческие функции на местах переходили к должностным лицам советской власти. Это обстоятельство парадоксальным образом привело к повышению этикетного статуса пожилых людей. Если раньше (в XIX — начале XX вв.) в культуре общения и поведения «социальное старшинство» и «биологическое старшинство» дифференцировались с преимуществом в отношении первого, то сейчас внешнее проявление почтения осуществляется в первую очередь к людям преклонного возраста.

Положение женщины на Северном Кавказе в течение XX в. значительно изменилось. Так, по данным Я. С. Смирновой, «в Кабардино-Балкарии уже к 1970 г. доля женщин в народном хозяйстве достигла 49%, среди специалистов с высшим образованием — 47%, среди учащихся высших учебных заведений — 71%. Эти показатели оказались выше общесоюзных (соответственно 51,37% и 48%)».

Тем не менее, обычаи избегания между мужчинами и женщинами сохранились и проявляются, хотя нередко и в чисто символической форме, во всех сферах жизни, начиная со сватовства и свадьбы. Так, в Дагестане, даже в плоскостных районах проживания переселенцев-горцев, где древние обычаи быстрее всего трансформируются, жених и невеста не имеют права встречаться в общественных местах, накануне свадьбы жених скрывается в «другом доме», на самой свадьбе жених и невеста в большинстве случаев не присутствуют.

Как исключение из правил воспринимаются до сих пор такие поступки, как совместное появление мужа и жены в общественных местах, публичное общение отцов со своими детьми, появление на улице отца с грудным ребенком на руках, совместное участие в трапезе отца и его сыновей. Впрочем, в городах, и особенно среди молодежи, эти явления стали не такими уж редкими. По наблюдениям этнографов и данным этносоциологических опросов 70-х — 80-х гг. XX в. «у кабардинцев в возрастной группе 20–24 года бывают с женой или мужем в клубе 85% горожан и 61% сельских жителей, а в возрастной группе 60 лет и выше — только 78 и 12%». «Уже приблизительно половина отцов берет детей на руки при старших родственниках или посторонних или даже появляются с ними в общественных местах».

Сохраняются до сих пор обычаи избегания между невесткой и старшими родственниками мужа. В городах они проявляются в смягченной форме, но у некоторых народов, особенно в аулах, они бытуют в полном объеме, предписанном традицией. Наибольшая степень эмансипации женщин

в этом аспекте наблюдается у осетин — у них, в частности, невестки в 1,5 – 2 раза реже соблюдают положенные запреты, чем у кабардинцев. Смягчение этих запретов проявляется в постепенном исчезновении такого архитектурного элемента, как отдельный женский вход в дом с тыльной стороны. Исследователи подсчитали, что у кабардинцев и балкарцев более 90% домов имеют лишь один вход, в то время как у адыгейцев по-прежнему принято сооружать два входа.

Можно уверенно сказать, что в рамках малой семьи, особенно в городе, правила избегания между мужем и женой и между отцом и детьми почти полностью ушли в прошлое. Нередко можно наблюдать своеобразный «двойной стандарт» поведения одних и тех же людей в сельской местности и в городе, в отношениях к односельчанам и приехавшим из города. Так, этнографы отмечают случаи, когда отец по традиции отдельно обедает с сыном, живущим в одном с ним ауле, но другого сына, приехавшего погостить из города, усаживает за один стол с собой. Таким же образом для женщин, достигших в городе значительного образовательного или должностного статуса и приехавших в гости к родственникам в аул, делают немало исключений из правил ограничительного поведения.

В современных условиях продолжают жить старинные обычаи почитания «старших женщин» (у кабардинцев — *гуаше*). «Старшими» по-прежнему именуют не только женщин преклонного возраста или жен глав семей, но и любую женщину, которая слывет знатоком Корана, отличается мудростью и справедливостью, умеет лечить народными средствами. «Старшими» в этикетных ситуациях человек называет также жен своих старших братьев, даже если они по возрасту моложе его (т. н. «позиционное старшинство»).

По-прежнему, особенно в сельской местности, соблюдаются этикетные правила обхождения со «старшими женщинами»: «1) младшие обязаны уступить дорогу пожилым и старшим женщинам, 2) младшие должны встать при появлении старших женщин, 3) младшие не должны переходить дорогу женщинам старшего возраста, 4) младшие не должны сидеть со старшими женщинами за одним столом». Современные наблюдатели отмечают, что «... если в самый разгар мужского злословия в карачаевском ауле показать на присутствующую женщину и сказать *«анады ол»* («она — мать»), брань или двусмысленные шутки прекращаются».

Как уже отмечалось, официальное положение старейшин в XX в. практически сошло на нет, хотя в 60–70-х гг. XX в. в республиках Северного Кавказа проводились кампании по организации «Советов старейшин» при местных административных органах и райкомах КПСС. Эти советы, однако, играли чисто декоративную и пропагандистскую роль. Впрочем, и тогда и сейчас нет такого аула, среди стариков которого не было бы авторитетных людей, к чьему мнению принято прислушиваться, а неуважительное отношение к ним воспринимается как оскорбление всего общества. Тем не менее, не следует думать, что упоминаемые в последнее время в средствах массовой информации решения советов старейшин — это обязатель-

ные к исполнению акты, исходящие от структур, обладающих реальной властью. Фактическая власть в республиках Северного Кавказа принадлежит официальным государственным органам и неофициальным могущественным экономическим и политическим элитам. И те, и другие нередко используют риторику о традиционных институтах старейшин, а также о древних родовых корпорациях типа тэйпов, фамилий, тухумов, в качестве психологических и пропагандистских средств достижения своих целей.

Часто собрания современных советов старейшин аулов, тэйпов, фамилий — это этикетное, т. е. поверхностное выражение неких скрытых процессов, имеющих отнюдь не традиционную подоплеку. Нередко они выступают и формой выражения общественного мнения, с которым реальные властные структуры могут и не считаться.

Как известно, общинные традиции сельских сходов народов Северного Кавказа не исчезли полностью в советские времена. Многие их функции переместились в собрания колхозников, при этом старинные элементы культуры общения на самих собраниях и вообще на традиционных местах их проведения (*годекан, ныхас, хаса, ким* и т. п.) сохранились. Сохранились и функции регламентации общественного поведения, связанные с этими институтами. И в современную эпоху на сходах принимаются решения, предписывающие нормы поведения в отношении преступников и их родственников («этикет кровников»). В качестве примера можно привести случай произошедший в Осетии и описанный И. Бабич: в селении Сурх-Дигора в 60-х гг. XX в. произошло убийство, «убийцу судили в местном народном суде и приговорили к расстрелу. Вскоре после вынесения судебного решения состоялся сход членов местного колхоза. Он постановил для прекращения кровной вражды выселить из селения весь клан виновника инцидента, состоящий из семей братьев и сестер убийцы. Гобеевы (фамилия убийцы — авт.), не пытаясь опротестовать решение схода в народном суде или сельсовете, продали дома и переехали в г. Моздок. До сих пор их бывшие односельчане, оказавшись в городе, отказываются от всяких контактов с родственниками убийцы».

Вообще у осетин и раньше, и сейчас весьма распространен обычай бойкота — *хъод* (исключение из системы общения), как средство наказания преступников и их родни. «Хъод был применен и в случае умышленного убийства в г. Алагирь, происшедшем в 1996 г. Примирительный совет запретил виновной стороне участие в свадьбах, похоронах и других общественных мероприятиях алагирцев, предложил им покинуть Алагирь... Решение *ныхаса* было беспрекословно выполнено».

По-прежнему бытует и ритуал примирения кровных врагов, сохраняя много древних этикетных элементов. «У адыгов, как только случившееся (убийство — авт.) получает известность, медиаторы (посредники, избираемые из числа наиболее почитаемых жителей селения — авт.) (в головных уборах, в одежде с длинными рукавами) идут в дом потерпевшего. Каждый из них поочередно подходит вначале к старшим по возрасту членам семьи

потерпевшего, затем к его отцу и матери. После этого во двор выходит один из старших по возрасту семьи потерпевшего и медиаторы предлагают этой семье оказать материальную помощь. Медиаторы не имеют права предлагать материальную поддержку непосредственно родителям умершего. Подобные переговоры — процесс длительный, и иногда медиаторам не удается сразу примирить стороны. Тогда через некоторое время, уже в новом составе, включая самых авторитетных стариков селения, группа медиаторов идет в дом потерпевшего для переговоров. Бывает, что семья потерпевшего отказывает в примирении до 2–3 раз».

Этикет гостеприимства и застолья в XX в. также претерпел некоторые изменения. Во-первых, церемония гостеприимства, сохранив основные традиционные элементы, в целом упростилась. Гостеприимство сейчас существует как бы в двух вариантах — семейном и «официально-должностном».

В старину прием почетного гостя, даже если он прибыл к одному определенному лицу, было делом значительной по размерам родственной корпорации или всего селения. Сейчас же в большинстве случаев его принимает отдельная семья. Теперь даже почетного гостя редко встречают на дальних подступах к селению и еще реже провожают до места его жительства. Так же редко гости остаются ночевать, не говоря уже о длительном проживании в доме хозяина. Градация «почетности» гостя упростилась — по наблюдениям исследователей наиболее почетными считаются близкие родственники супруга, живущие далеко. Особенно торжественно принимают родственников, прибывших из-за границы, в частности, у адыгов — это те, кто в разное время эмигрировал в Турцию, Иорданию, Сирию и другие страны и их потомки.

Княжеское и дворянское происхождение сейчас не играют практически никакой роли в определении степени «почетности» гостя, хотя во многих местностях память об аристократическом происхождении отдельных фамилий хорошо сохранилась. Наиболее распространенным критерием «почетности» гостя выступает возраст человека. Если в старину он уступал порой по значимости сословному или должностному статусу, личным заслугам, то теперь явно превалирует. Отец и сыновья, старшие и младшие братья, мужчины и женщины и сейчас за один стол по возможности не усаживаются, но уже весьма часты нарушения этого правила.

Т. н. «деловые гости», прибывшие не с целью погостить, а по какому-либо делу, сейчас принимаются еще проще, чем в старину. Уже допустимо то, что раньше воспринималось как грубое нарушение этикета — сразу же спросить о цели их приезда.

«Официально-должностное» гостеприимство у народов Северного Кавказа чаще всего связано с приемом «нижестоящей» представителей «вышестоящей» инстанцией, либо коллег по профессии, прибывших из-за пределов района, республики или из «центра». Принимающей стороной выступает здесь не отдельный человек, семья или родственно-корпоративная группа, а учреждение. Как правило, в таком приеме гостей традиционные элементы кавказского этикета присутствуют в большом количестве, но са-

мо это явление нельзя назвать органической частью традиционной культуры. Традиционные элементы в данном случае — это конструируемый сознательно «кавказский колорит» для мероприятия, сущность которого определяется контекстом деятельности, протекающей порой за рамками этнической традиции. В России уже давно сложилось представление о кавказском гостеприимстве, по удачному выражению Ю. Д. Анчабадзе, как об «устойчивой черте стереотипа поведения народов Кавказа, как элементе кавказской этнической психологии». Это представление обладает императивной природой — оно порождает определенные ожидания у всех приглашаемых в регион извне, оно же обязывает принимающих соответствовать стереотипу.

Прием гостей на «официально-должностном» уровне чаще всего представляет собой комбинацию элементов этнической традиции с общероссийскими и европейскими элементами. Этнические обычаи не столько исполняются сколько демонстрируются. От гостей, да и от хозяев не требуется жесткого соблюдения этикета, нормы почтения определяются не традиционным критерием, а по должностной субординации. Сам порядок приема нередко строится на импровизации.

Этикет торжественного застолья в современных условиях сохраняет основные традиционные принципы, но жизнь привнесла в него много новых элементов. Уже нигде не пьют круговую чашу, у всех гостей индивидуальные бокалы. Ушел в прошлое традиционный хмельной напиток — буза, вытесненный водкой и вином. Давно уже не стоят за почетными гостями молодые родственники хозяина, им не передают оставшиеся куски с тарелок гостей. Тосты говорят почти все присутствующие, а не только тамада и старший гость. Более того, сам тост из сакрального благопожелания порой становится либо упражнением в остроумии, либо средством наказания или даже мести. Так, у адыгов «...после драки или нанесенного оскорбления виновного могут опозорить во время какого-либо торжества. Например, ему не дают произнести тост, или во время тоста говорят о нем плохо...».

Вообще наиболее стойко традиционные нормы застольного этикета держатся на свадьбах. Этому способствует и подчеркнута ритуальный характер мероприятия, и то, что для большинства населения региона это чуть ли не единственный вид обильной торжественной трапезы.

Традиционный этикет русского населения

■ Необходимо специально остановиться на обосновании понятия «этноэтикет» применительно к русским. Мы рассматриваем это понятие преимущественно как обозначение специфической системы поведенческих норм, характерных для русских крестьян, в разное время и из разных местностей Российской империи переселившихся на земли Северного Кавказа. Затрагиваются при этом и специфические черты культуры поведения, характерные для казаков.

Характер внутрисемейного общения у северокавказских казаков определялся особенностями исторической судьбы этого сословия. В начальный период своего существования казачество отвергало брак как таковой, так же как и земледельческий труд, живя, главным образом, за счет военной добычи. Со временем оно превратилось в особое военное сословие, получающее жалованье в виде земельных наделов, не облагаемых налогами. Это придало положению казаков известную двойственность — с одной стороны, они были воинами, обязанными значительное количество времени (порой помногу лет) отбывать военную службу вдали от дома, а с другой, — возделывать землю, за счет чего обеспечивать существование своих семей и приобретать воинскую экипировку. В такой ситуации отношение к женам со стороны казаков приобретало противоречивый характер: как представители воинской корпорации они на уровне внешне-выраженных этикетных моделей поведения дистанцировались от всего, что было связано с женским миром и семьей (характерны слова из казацкой песни — «На свете нет бабы такой, чтоб нас опечалить сумела / Каленый клинок да гармонь, а бабы — последнее дело») и в этом контексте историческая память о былых временах холостой вольницы и удалства постоянно воспроизводилась в казацком общественном сознании и фольклоре; с другой стороны, хозяйственная основа жизни казаков почти полностью зависела от женщин, даже в бóльшей степени, чем у крестьян, и поэтому казачки в повседневной жизни отличались независимостью поведения и предприимчивостью. Казак зависел от своей жены и матери и не мог не проявлять к ним почтительности, хотя это и противоречило доминирующим стандартам мужского поведения. Л. Н. Толстой, долго живший среди гребенских казаков, тонко подметил это обстоятельство: «На женщину казак смотрит как на орудие своего благосостояния; девке только позволяет гулять, бабу же заставляет с молодости и до глубокой старости работать... Вследствие этого женщина, усиленно развиваясь и физически, и нравственно, хотя и покоряясь наружно, получает, как вообще на Востоке, без сравнения бóльшее, чем на Западе, влияние и вес в домашнем быту... Казак, который при посторонних считает неприличным ласково или праздно говорить со своей бабой, невольно чувствует ее превосходство, оставаясь с ней с глазу на глаз... Хотя он и твердо убежден, что труд постыден для казака и приличен только работнику-ногайцу и женщине, он смутно чувствует, что все, чем он пользуется и называет своим, есть произведение этого (женского — авт.) труда и что во власти женщины, матери или жены, которую он считает своей холопкой, лишить его всего, чем он пользуется».

Особенности положения казачек привели к складыванию особого женского психологического типа и сказались даже на характерных особенностях их внешности. Л. Н. Толстой пишет о гребенских казачках: «...постоянный мужской, тяжелый труд и заботы, переданные ей на руки, дали особенно самостоятельный, мужественный характер гребенской женщине и поразительно развили в ней физическую силу, здравый смысл, решительность и стой-

кость характера. Женщины большею частью и сильнее, и умнее, и развитее, и красивее казаков». Все это не могло не сказываться на манере поведения казачек — ни для кого из наблюдателей не было секретом, что внешняя покорность мужчинам и сдержанность казачек почти никогда не являются свидетельством слабости и робости — это своеобразная социальная регламентированная игра и, во всяком случае, признак ума и такта.

Специфика казацкой культуры поведения в общественной жизни, по сравнению с крестьянской, заключалась в том, что она состоит, как минимум, из трех сфер, которые взаимопроникают, но никогда не смешиваются полностью, основываясь на разных императивах. Речь идет о (1) внутриобщинной сфере, охватывающей станичное сообщество, разделенное на хуторские коллективы; (2) служебной сфере, связанной с действительной военной службой и службой в резерве и (3) сфере общения с миром за пределами казачества, преимущественно с т. н. «иностранцами» (давними и недавними крестьянами-переселенцами из «России и Малороссии») и представителями горских и иных народов Северного Кавказа.

Общение в рамках станичного и хуторского сообществ определялось принципом равенства казаков, который к началу XX в., конечно, утратил характер безбрежной вольницы, свойственной казачеству в древности. Начиная с петровских времен, полномочия казацкого круга, решавшего ранее все без исключения дела коллективно и без какой бы то ни было санкции извне, стали ограничиваться имперскими институтами и к началу XX в. древний казацкий демократизм сохранился в какой-то степени лишь на уровне низовых общинных образований, да и то был ограничен вопросами внутрихозяйственного регулирования и соблюдения «благочиния». Тем не менее, и это сфера определяла многое в общении станичников между собой.

В частности, равенство в ходе проведения общественного схода (круга) проявлялось и в том, что чины, полученные на действительной военной службе (иные казаки дослуживались до штаб-офицерских званий) не давали никаких официальных преимуществ. Если здесь и была какая-либо иерархия, то выражалась она в делении на молодых и стариков. Голос последних был более весом.

Вступление по приказу начальства в состояние воинской службы означало для казаков «переключение» на совершенно иные принципы общения, которые в XVIII–XIX вв. были четко регламентированы специальными воинскими уставами. В этом состоянии станичники как бы забывали о своих соседских и родственных отношениях — все определялось воинской субординацией, нарушения которой карались не менее строго, чем в регулярных войсках империи. Впрочем, и здесь была казацкая специфика — строгое чинопочитание и исполнение приказов соблюдалось преимущественно в строю (во время учений, боевых действий), а вне строя наблюдатели фиксировали товарищеские отношения между земляками, в которых разница в чинах была незаметна. Надо сказать, что в каждом из казачьих полков складывались особые обычаи, которые действовали наряду с уста-

вами, а иногда они были и более значимы. Эти обычаи уважались и признавались даже офицерами-дворянами, служившими в казачьих частях. Можно сказать, что в российской армии сложился особый стиль казачьей воинской службы, стиль, отличающийся от других родов войск, в частности, тем, что личное достоинство рядового казака, как правило, уважалось начальством. Так получилось потому, что это достоинство основывалось на сословной гордости казака, воспитывалось с детства и поддерживалось общественным мнением станичников.

Служба в резерве (караульная, полицейская, почтовая и пр.) без длительного отрыва от дома отличалась гораздо менее строгой должностной субординацией и допускала элементы вольницы. Герой повести Л. Н. Толстого «Казачьи» Лукашка, считавшийся «справным» казаком, но еще не прошедший действительной службы, находясь в карауле, позволил себе поступить не очень почтительно по отношению к своему непосредственному начальнику: «Дядя Мосеев — прибавил он решительно и почти повелительно уряднику, — пора сменять! — и, подобрав ружье, не дожидаясь приказа, стал сходить с вышки». В этой сфере поведение казаков регламентировалось в большей степени обычаями, чем уставами.

Вступая в общение с представителями неказачьего населения, казаки также «переключались» на специфические модели поведения. Общаясь с иногородними крестьянами, которых на Северном Кавказе к началу XX в. стало гораздо больше, чем казаков, последние вели не без высокомерия, как представители привилегированного сословия, их взаимоотношения усложнялись постоянно обостряющимся земельным вопросом. Можно говорить о существовании некоего коммуникативного барьера между этими двумя категориями русского населения края. Барьер этот порой усугублялся мероприятиями имперской власти, в частности, издаваемыми ею приказами, запрещающими выдавать казацких дочерей замуж за иногородних с целью предотвращения утечки земель из войскового фонда и сокращения численности казаков, так как принадлежность к этому сословию определялась по отцу.

Общение казаков с представителями горских народов также осуществлялось через своеобразный коммуникативный барьер. Исторически эти группы были врагами, но врагами, давно знакомыми и уважающими друг друга, поэтому общение через барьер было вполне симметричным, выработавшим за века много обычаев, позволявших не только воевать, но и дружить. Казаки издавна вступали в куначеские отношения с горами, так как без таких отношений человек на Северном Кавказе лишен возможности решать многие жизненно важные проблемы. Сам кавказский обычай куначества стал у казаков неким образцом, определяющим стиль взаимоотношений между людьми вообще, то есть стал казачьим обычаем. Характерны высказывания героев уже цитированной повести Л. Н. Толстого: «Э, да ты я вижу молодец! — говорит казак Ерошка юнкеру Оленину, который ему понравился, — Мы с тобой кунаки будем»; Лукашка на замечание Оленина о

плате за подаренный ему кинжал с возмущением воскликнул: «Как можно, — кунаки! Меня так-то за рекой Гирей-хан привел в саклю, говорит: выбирай любое. Вот я эту шашку и взял. Такой у нас (выделено авт.) закон».

Горский институт «наездничества», связанный с военными набегами, издавна стал и казацким обычаем, окончательно не искорененным имперскими властями и в XIX в. Казаки в военных походах «за линию» преследовали не только официальные цели «замирения», но и, ставшие для них традиционными, цели захвата добычи. Власти нередко смотрели на это сквозь пальцы, хотя в отношении таких же поступков со стороны регулярных войск порой принимали строгие меры, расценивая это как мародерство. Характерным примером может служить поступок Лукашки из повести Л. Н. Толстого «Казаки», который присвоил оружие и одежду убитого им в секрете чеченского джигита. Для его товарищей и начальства это было реализацией священного права казака и, кроме того, проявлением его доблести. Известны случаи, когда казаки совершали набеги с целью угона скота у «мирных татар» и иногородних.

Обобщенно говоря, казаки и горцы в своих действиях пользовались схожими моделями или, фигурально выражаясь, использовали понятия одного «поведенческого языка». И не только поведенческого — казачество, как органическая часть северокавказского социокультурного пространства, в большинстве своем владело и местными языками межэтнического общения, каковыми выступали тюркские («татарский» язык) языки, преимущественно близкие по строю ногайский и кумыкский, как языки в прошлом самых мощных политических образований края. Ими владели и русские православные казаки, не говоря уже о жителях мусульманских станиц Кавказской линии и казаков из Татарской станицы Войска Донского, которые периодически компактными группами «испомещались» на Северном Кавказе или подолгу служили здесь на действительной военной службе.

Специфика культуры общения казацкой молодежи выражалась, прежде всего, в ориентации на военную службу мужской ее части. Молодые казаки с детства проходили несколько этапов подготовки к военному делу, начиная с обряда «посаждения на коня» (древний степной обычай, распространенный и у многих горских народов) в раннем детстве. Они с ранней юности привлекались к несению службы в качестве «товарищей» или «чур» («джур») у «старых» казаков, выполняя обязанности денщиков, оруженосцев, посыльных и т. п. В XIX в. военная подготовка казацкой молодежи была регламентирована по утвержденной вышестоящими инстанциями программе, в которую входили джигитовка, стрельба из огнестрельного оружия, обязательное начальное образование, изучение воинских уставов и пр. В процессе этой подготовки образовывалась и неформальная корпорация юношей-ровесников, которая во многом напоминает мужские союзы горских народов (*бахтачияры* и *сидер-бахру* в Дагестане и т. п.). Эти юношеские корпорации, помимо выполнения официальных задач сословного характера, обладали и иными особенностями. В частности, в их рам-

как формировались такие поведенческие установки, как взаимовыручка, круговая порука, соревновательность в лихости (нередко предосудительного, если не противозаконного характера). Общение в рамках таких сообществ регулировалось системой неформальных статусов их членов, полученных в военизированных акциях (драки, набеги на ровесников из соседских станиц или аулов и т. п.), в демонстрациях лихости и бесстрашия. Начальство нередко наказывало мальчишек за проказы, но общество втайне все это, если не одобряло, то и строго не осуждало — «без этого хороший казак не получится». Роль подобных поколенных когорт в жизни казачества была весьма велика. Группы ровесников из одной станицы или хутора, как правило, одновременно призывались на действительную службу, такие группы часто совместно служили в одних полках и сотнях. В результате формировались мужские сообщества, на всю жизнь связанные отношениями взаимопомощи, солидарности и взаимответственности. Все это во многом аналогично горским союзам (побратимствам) джигитов, таким, как описанный выше военный союз у осетин *эрхорд эмгэртэ* и др. Товарищеские узы, сложившиеся в юности, нередко закреплялись побратимством, известным в православной среде — казаки обменивались крестами, давали клятву и становились крестовыми братьями. Такие узы считались более важными, чем узы родства.

Культура приема гостей и проведения торжественной трапезы у русских крестьян и казаков сохранила древние обычаи. Особенно архаичные элементы отличают общественные пиры, называемые в разных местностях *братчинами, канунами, ссыпчинами, складчинами, свечой*. Все эти общественные пиры или трапезы, как правило, приурочивались к большим церковным праздникам и порой носили соответствующее название — Покровщины, Ильющины, Никольщины и т. д.

Многие наблюдатели отмечали особенное гостеприимство русского крестьянства и казачества, среди которых обычай радушного приема любого путника почитался священным. Об этом свидетельствует фольклор: «Гость в дом — Бог в дом», «В поле враг, дома гость: садись под святые, починай ендову» и т. п. Обычай гостеприимства имел два варианта, существенно отличающиеся друг от друга. Первый — прием незваного гостя, которому хоть и оказывались знаки уважения, но не принято было по поводу его прихода устраивать праздник. Его довольно быстро как бы принимали в состав семьи на правах старшего, уважаемого члена.

Второй вариант — прием званого гостя. Он был наполнен множеством этикетных элементов. Само приглашение представляло собой довольно сложный ритуал. Оно было обязательным. Приглашение делалось часто через «*позываых*», но считалось, что личное приглашение хозяина — знак большей чести. Принимать приглашение с первого раза считалось неприличным и поэтому было нормой делать его несколько раз. Приходить в гости первым также считалось неприличным, это могли сделать лишь очень близкие родственники хозяина.

Встречать гостей хозяин был обязан лично, при этом учитывая их возраст, общественное положение и степень родства. В соответствии с этой градацией он встречал гостя либо у ворот усадьбы, либо у крыльца, либо у входа в горницу. Гости в свою очередь тоже согласно этикету не могли въезжать во двор, а останавливались у ворот и к дому шли пешком.

Главным моментом приема гостей было застолье, трапеза. Начиналось застолье с рассаживания гостей за столом. Везде это делалось примерно одинаково: место хозяина дома было в красном углу под образами, причем принято было сидеть не прямо в углу, а немножко в стороне, чтобы не находиться на линии между главной иконой и столом (пословица — «Между Богом и столом только дурак»); место справа от хозяина считалось самым почетным, его занимал либо самый старший гость, либо самый важный; места рядом с хозяином по лицевой стене избы занимали мужчины в соответствии со своим возрастом и положением — чем младше, тем дальше от красного угла. Женщины раньше вообще за стол не садились, в XIX в. это правило еще кое-где соблюдали, но обязательно оно было только на общественных пирах-братчинах. При гостевании на частном пиру женщины занимали места ближе к печи.

Всякое застолье, в особенности торжественное, требовало от всех соблюдения некоторых общих этикетных правил. Стол в русском народном мировоззрении — вещь святая, «стол — то же что в алтаре престол, а поэтому и сидеть за столом и вести себя нужно так, как в церкви», не зря существовал обычай целования стола перед дальней дорогой. Таким же священным для земледельца был хлеб. Начав есть кусок хлеба, надо доедать его до конца, недоеденный кусок нельзя оставлять на столе; нельзя доедать кусок за кем-либо, в особенности мужчине за женщиной и женщине за мужчиной — этим можно отнять чужую силу; то же самое может произойти, если есть у кого-либо за спиной; нельзя, не доев один кусок, браться за другой — этим поступком обрекаешь кого-то на голод; нельзя макать хлеб в соль — своеобразная народная трактовка сюжета из Евангелия, в котором Иисус говорит об Иуде: «опустивший со Мною руку в блюдо: этот предаст Меня» (Матфей, XXVI, 23). «Кто берет соль из солонки пальцами, а не ножом или «цавьем» ложки, того смело можно считать тайным врагом дома «юдашом околелым». Нельзя ложку опирать о край чашки — по ней нечистая сила может перебраться.

Во время трапезы принято было, чтобы хозяин собственными руками подавал лучшие куски еды наиболее солидным гостям. Ели чаще всего руками, беря куски с общего блюда, а жидкую пищу хлебали ложками из общей чаши, если же гостей было много, то одна чаша приходилась на 3–5 человек. Наиболее почетным гостям в знак уважения было принято подавать особое («опричное») блюдо. Такой порядок трапезы был характерен еще в XVII в. и для знатных вельмож, к началу же XX в. он удержался лишь у крестьян, да и то не везде, т. к. его вытеснили элементы мещанского этикета.

Неизбежным атрибутом праздничной трапезы с глубокой древности были спиртные напитки. Обычай пить за здоровье (впрочем, также и в «погибель») зафиксирован в древнейшей русской летописи «Повесть временных лет». Известны описания жестоких попок при дворах русских царей и вельмож, когда хозяин стремился непременно сподручить своих гостей, провозглашая тосты за свое здоровье или здоровье государя и, наполняя полуведерные кубки крепкой брагой или медовухой (водка распространилась на Руси не раньше XVI в.) Не выпить за такой тост до дна было нельзя. Как утверждает З. Герберштейн, свидетель таких пиров в XVI в., «Кто не выпил до дна, не пожелал добра».

Не сомневаясь в том, что подобные описания отражают реальное положение дел, необходимо отметить, что речь идет о пирах дворянской знати, которая еще с дружинных времен сохраняла особые, рыцарские по своей сути, обычаи всякого рода ристалищ, поединков и вообще соревновательности во всем. Подобное явление долго сохранялось и в среде казачества, выступавшего наследником древних рыцарских традиций. Что же касается крестьянства, то оно до начала, если не середины XX в., в повседневной жизни потребляло спиртных напитков очень мало и по освященным традициям правилам. На торжественных пирах пили чаще всего самодельное пиво, медовуху или брагу. Еще в XIX в. в ходу был обычай пить круговую чашу, которая называлась братина, так же как и общественные пиры — братчины. Пили, передавая ее по солнцу, таким образом, соблюдая возрастную иерархию. Девушки и неженатые парни во многих местностях до 30–50-х гг. XX века вообще не имели права пить, а женщины могли выпивать только уже в зрелом возрасте.

Совершенно иное отношение к питию спиртного отмечалось в праздничные дни. К престольным праздникам и к некоторым иным большим торжествам во многих местностях было принято варить огромное количество пива и браги, а у казаков и виноградного вина (*чихирь* у терских казаков) и, соответственно, потреблять его. В праздничные дни чрезмерность в еде и питье почиталась как бы обязательной, принимающая сторона считала делом своей чести накормить и напоить гостей до отвала. В этом обычае слышны отзвуки древних дарообменных отношений и престижной экономики, которые связаны со старинными представлениями о ритуально-магической природе общественной трапезы и с представлениями о доминировании и авторитете отдельных людей и, главным образом, коллективов.

Обычай гостевания на престольные праздники предусматривал переход из одного дома в другой, так как крестьянский мир и казацкая община представляли собой плотную сеть родства, свойства, кумовства, побратимства, которая связывала каждого человека с огромным числом людей. Эта связь обязывала каждого посылать приглашения ко дню престольного праздника в своей деревне или станице и принимать приглашения от многочисленной родни (кровной, свойской, духовной) из всех окрестных дере-

вень и станиц. Таким образом, каждый «двунадесятый» праздник превращался в серию пиров, которые длились по нескольку дней.

Культура приема гостей и проведения торжественного застолья у казаков Северного Кавказа отличалась, как и другие стороны их быта, определенной двойственностью. В подавляющем большинстве православные христиане, казаки, как и их соседи иногородние крестьяне, отмечали церковные праздники, сопровождающиеся приемом гостей и обильными трапезами. Этикет этих мероприятий, а также свадеб, поминок, проводов в армию и т. п. мало чем отличался от такового, принятого в крестьянской среде. Специфической же особенностью казацкого гостеприимства и застолья было то, что казаки издавна были вовлечены в сеть куначеских и других дарообменных отношений взаимности с представителями горских народов. Сами, регулярно бывая приглашенными на праздники к горцам (отказ почитался оскорблением), казаки были обязаны отвечать взаимностью и поэтому в станицах издавна повелось приглашать на свадьбы, поминки, проводы в армию и церковные праздники своих кунаков горцев.

Сам по себе этот факт вовсе не означает кардинального изменения казаками традиционного русского народного этикета, но в течение длительного времени у них сложилась традиция встраивать в него элементы из богатого репертуара горского гостеприимства, в особенности в тех ситуациях, которые напрямую касались приглашенных кавказцев. Причем, надо сказать, и хозяева и гости вполне понимали условность тех или иных жестов, многие из которых имеют аналогичное значение и в русской, и в горской культуре. Так, у казаков, не без влияния горцев сложился обычай садиться за стол без оружия; тщательнее, чем их единовверцы крестьяне-иногородние они соблюдают иерархию статусов гостей в ходе их приема и при рассаживании за столом; все домочадцы казака знают, что приехавший в его отсутствие горец-кунак имеет право без особого приглашения расположиться в горнице; казак считает чем-то самым собой разумеющимся провожать своих гостей не до двери горницы, а, как минимум, до околицы станицы и т. п.

Известная многим россиянам последовательность завершающих тостов во время торжественной трапезы («посошок», «стремянная», «закурганная», «задунайская» и т. д.) — это не что иное, как трансформированная кавказская традиция, пришедшая именно через казаков в сферу российского быта.

Список литературы для раздела «Этноэтикет»

- Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин. XIX — начало XX в. М., 1978.
- Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.
- Алимова Б. М. Некоторые представления табасаранцев о народном календаре //Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Махачкала, 1987.
- Анчабадзе Ю. Д. «Прекрасный обычай гостеприимства» //Советская этнография. № 4. 1985.
- Арутюнов С. А., Сергеева Г. А., Кобычев В. П. Материальная культура. Пища и жилище //Народы Кавказа. Кн. 4. М., 1995.
- Бабич И. Народные традиции в общественном быту кабардинцев. М., 1995.
- Бабич И. Эволюция правовой культуры адыгов (1860–1990-е годы). М., 1999.
- Байбурин А. К. Об этнографическом изучении этикета //Этикет у народов Передней Азии. М., 1988.
- Байбурин А. К., Топорков А. А. У истоков этикета. Этнографические очерки. Л., 1990.
- Бгажноков Б. Х. Организация пространства и этикет //Советская этнография, 1983, N 4.
- Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик. 1983.
- Берсанова З. Х.-А. Чеченский этикет: феномен «нохчолла» (середина XIX — начало XX века). М., 1999.
- Бобровников В. О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002.
- Бобровников В. О., Рошин М. Ю. Человек, природа и общество в горном дагестанском ауле. (По материалам хуштадинского адата) //Дагестан: село Хуштада. М., 1995.
- Булатова А. Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX — начале XX вв. Л., 1988.
- Габисов Б. Г. Чеченцы и ингуши (Проблема происхождения). Грозный, 1991.
- Гаглойти З. Д. Очерки по этнографии осетин. Общественный быт осетин в XIX в. Тбилиси, 1974.
- Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX века). М., 1967.
- Данилова Е. Н., Кунижева Л. З. Заметки об институте «запретных дней» у абазин //Из этнографии народов Карачаево-Черкесии. Черкесск. 1991.
- Джавахадзе Н. В. Система родства осетин. Тбилиси, 1989.
- Джандар М. А. О некоторых адыгских обрядовых песнях, связанных с воспитанием детей //Проблемы адыгейской литературы и фольклора. Майкоп, 1985. Вып. 5.
- Дибиров М. А. Народные игры и состязания в Дагестанских мужских союзах //Вопросы общественного быта народов Дагестана в XIX — начале XX в. Махачкала, 1987.
- Заседателева Л. Б. Терские казаки. Историко-этнографические очерки. М., 1974.
- Каламбий (Кешев А. Г.). Записки черкеса. Нальчик, 1988.
- Калмыков И. Х. Народная медицина и религия у адыгов //Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987.
- Калоев Б. А. Осетино-вайнахские этнокультурные связи //Кавказский этнографический сборник. Вып. IX. Вопросы исторической этнографии Кавказа. М., 1989.
- Кануков И. В осетинском ауле: рассказы, очерки, публицистика. Орджоникидзе, 1985.

- Карпов Ю. Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996.
- Керейтов Р. Х. Народный календарь и календарная обрядность ногойцев // Календарь и календарная обрядность народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1989.
- Кишев А. С. О «тайных» языках адыгов // Советская этнография, 1986. № 4.
- Кокиев С. Записки о быте осетин. М., 1885.
- Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993.
- Крым-Гирей. Путевые заметки // Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, 1980.
- Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1883.
- Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1979.
- Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского крестьянства. Орджоникидзе, 1963.
- Манай Алибек. Адаты кумыков. Перевод Т.-Б. Бейбулатова. Махач – Кала, 1927.
- Мафедзев С. Х. О народных играх адыгов (XIX — начало XX в.) Нальчик, 1986.
- Миллер В. Ф. В горах Осетии // Русская мысль, 1881. № 9.
- Мусукаев А. И., Шаманов И. М. Некоторые архаические принципы семейного и общественного управления народов Северного Кавказа // Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987.
- Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1982.
- Омаров А. Воспоминания муталима // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. 1.
- Ошаев Х. Д. Народные развлечения у чеченцев // Революция и горец. 1929. № 6.
- Пафова М. Ф. Изменение традиционной одежды черкесов как один из аспектов этнокультурных процессов (нач. XIX — XX вв.) // Из этнографии народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1991.
- Попко И. Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880. Вып. 1.
- Потто В. А. Два века терского казачества. Владикавказ, 1912.
- Русские. Отв. редакторы: В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. М., 1997. Словарь по этике. М., 1983.
- Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX — XX в. М., 1983.
- Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. 1900. Т. 21.
- Такоева Н. Ф. К вопросу о браке и свадебных обрядах у северных осетин в XIX — начале XX вв. // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М., 1959. Т. XXII.
- Танкиев А. Х. Свет народного сознания вайнахов. Грозный, 1990.
- Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев переселенцев. Отв. ред. А. И. Исламмагомедов и Г. А. Сергеева. М., 1988.
- Культура и быт адыгов. Этнографические исследования. Вып. VII. Майкоп, 1988.
- Фарфоровский С. В. Ногойцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк. Тифлис, 1909.
- Хан-Гирей. Черкесские предания. Избранные произведения. Нальчик, 1989.
- Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957.
- Шанаев Д. Свадьба у северных осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис. 1870. Вып. IV.
- Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910.